Г. С. ГОРДЕЕВ

ЛБ II 1337 all

ТЕОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ РИКАРДО

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. С. Б. ЧЛЕНОВА

„БУРЕВЕСТНИК“ 1924

ВЕСТНИК

Г. С. ГОРДЕЕВ

ЛБ II В37

ТЕОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ РИКАРДО

ВВЕДЕНИЕ В ИЗУЧЕНИЕ ТЕОРИИ
ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ КАРЛА МАРКСА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. С. Б. ЧЛЕНОВА

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ КРАЕВОЕ ПАРТИЙНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „БУРЕВЕСТНИК"
РОСТОВ-ДОН = 1924 = КРАСНОДАР

Отпечатано
в книжной типографии
Юкрайпартиздата „Буревестник"
в городе Краснодаре
в сентябре 1924 г.
Изд. № 169.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
833514

Кубчерлит № 1215. Заказ № 69. Тираж 6.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Общие замечания	1
Экономическое положение Англии с 1760 по 1820 г.г.	4
а) Суконная промышленность	4
б) Хлопчато-бумажная промышленность	6
в) Льняное производство	7
г) Горная промышленность	8
д) Транспорт	9
е) Технический прогресс	10
ж) Сравнение Англии с Францией и Германией	11
Положение сельского хозяйства	14
Развитие сельско-хозяйственной техники	15
Хлебные законы	17
Заработная плата	21
Предшественники Рикардо в учении о земельной ренте	24
Теория дифференциальной земельной ренты	29
Абсолютная рента	53
Закон убывающего плодородия	57
Закон убывающего плодородия у последователей Рикардо	60
Земельная рента в системе доходов у Рикардо	80
Динамика земельной ренты	87
Социально-политические выводы	94
Заключение (Рикардо и Маркс)	98
Указатель литературы	103

ТЕОРИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕНТЫ РИКАРДО

Общие замечания.

В 1817 году появились «Начала» Давида Рик[illegible]о. Появление «Начал» составило целую эпоху в политической экономии. На протяжении немногих страниц Рикардо вложил в них богатейшее содержание. Проблемы трудовой стоимости, земельной ренты, заработной платы и прибыли нашли в его лице глубокого теоретика.

Время жизнедеятельности Д. Рикардо ($^{19}/_{IV}$, 1772 — $^{11}/_{IX}$ — 1823 г.) было занято борьбой выросшей буржуазии с землевладельцами. Все свои симпатии Рикардо отдал прогрессивному, для его времени, классу буржуазии. В своих «Началах», точнее своей теорией земельной ренты, он развенчал землевладельцев, одновременно укрепив позицию буржуазии. Поэтому, его сжатые и абстрактные положения содержат в себе пыл социальной борьбы, они задевают животрепещущие вопросы его времени.

Теоретические построения Рикардо вызвали при нем и особенно после него много возражений. Все их можно предварительно свести к двум группам. Одни, как Кэри [1]), Бастиа обвиняли его в сеянии социальной вражды и раздора, ради чего и была, по их мнению, придумана теория земельной ренты. Другие, как Диль, Лексис, Маслов [2]) и пр. обвиняли его в чрезмерной абстрактности, в оторванности от хозяйственной жизни; этот упрек подрывал самую основу теоретических положений Рикардо. В противоположность Дилю и др. третьи, как Оппенгеймер, Бээр и Гасбах [3]) считали, что

[1]) Кери. Руководство к социальной науке 1869 г.

[2]) Diehl. Teoretische Nationaloekonomie. 1916. Fischer. Iena. Lexis.-Allgemene Volkswirtschaftslehre 1922. Teubner. Berlin. Маслов. Аграрный вопрос в России I-е изд. 5, 1917 г.

[3]) Oppenheimer Rodbertua' Angriff auf Ricardos Rententheorie 1908. Berlin. Hasbah Diehlsche Erläuterungen um Iahrbuch fur Gesetzgebug. Verw. und Volksfwrtsch. 1906. т. II. Бээр. История социализма Англии. Гиз. 1923, стр. 204.

абстрактный метод, которым пользовался Рикардо, употреблен в соответственной пропорции и что вообще абстрактный метод не только уместен, но положительно необходим в научных изысканиях Рикардо.

Если всмотреться в вышеприведенные возражения, то в них можно отметить одно общее — это недооценка или даже полное игнорирование той действительности, в которой жил Д. Рикардо. Уже Маркс настойчиво подчеркивает необходимость рассмотрения теории земельной ренты Рикардо в связи с хозяйственной жизнью Англии. Отмечая ошибки Родбертуса в критике последним Рикардо, Маркс полагает, что «для понимания взгляда Рикардо, Родбертусу нужно было бы быть англичанином, а не померанским помещиком и знать историю огораживаний общинных земель»... и дальше: «Милейший померанин! Зачем же во время спора всегда переносить в Англию твои прусские отношения... значительная часть упреков, сделанных Родбертусом Рикардо, вытекает из того, что он наивно отожествляет померанские и английские условия производства»[1]). Последнее замечание нужно распространить на первые две категории вышеприведенных критиков.

В самом деле, как можно считать Рикардо оторванным от действительности, когда он считался одним из авторитетных членов палаты общин, когда его теории руководили действиями государственных мужей при нем и после него. Будет более правильным, если мы признаем, что ошибки, имевшие место у Рикардо, а также и своеобразие его теорий было следствием своеобразных особенностей развития капитализма в Англии. Своеобразие же развития капитализма заключалось в том, что Англия опередила другие страны на 100 лет, а также и в том, что самое развитие шло невиданно быстрым темпом. Последнее обстоятельство особенно важно для понимания теории земельной ренты Рикардо. Недаром Энгельс [2]) назвал теорию земельной ренты специально английским отделом политической экономии, не потому что в других странах земельная рента отсутствует, но потому, что в Англии капиталистические условия развились раньше

[1]) К. Маркс —«Теория прибавочной стоимости», II. I изд. Куз. 1922. 214, 215 и 216.

[2]) Энгельс.—«Анти-Дюринг», изд. Москва Раб. 1922 г. 124 стр.

и наиболее выпукло, чем в других странах. Поэтому, в интересах правильности понимания и полноты анализа теории земельной ренты необходимо предварительно дать краткий обзор бурного расцвета капитализма в Англии в эпоху Рикардо, к чему мы и перейдем в следующей главе.

Экономическое положение Англии с 1760 по 1820 г. г.

С перенесением центра мировой торговли с берегов Средиземного моря на европейские берега Атлантического океана, Англия постепенно была втянута в водоворот международного обмена, где она играла неуклонно растущую роль. Удобства географического положения, масса естественных гаваней, легкая возможность проникать вглубь страны, благоприятные климатические условия — помогли Англии опередить в промышленном развитии другие государства.

Островное положение обычно спасало ее от перенесения континентальных войн, в которых она участвовала, на ее территорию.

Суконная промышленность.

В числе первых, наиболее рано развившихся, отраслей промышленности считается суконная. Уже с XII столетия завязался торг шерстью у Англии с Голландией и Францией [1]). Роль шерсти в отечественной суконной промышленности была по достоинству оценена английским правительством. Уже Эдуард III (1327—1377) стал покровительствовать суконной промышленности. Он запретил ввоз шерсти, выписал из Фландрии суконщиков, насадив, таким образом, у себя первые очаги ремесленного производства. Благодаря покровительству, суконная промышленность достигла крупных размеров и переросла рамки цехов. Во время Генриха III (1483—1485) «существовали уже специальные фабриканты, из числа которых один имел в своем доме 100 ткацких станков» [2]).

[1]) Ад. Бэр.—История всем. торговли ч. II-я, 1876 г. стр. 246.

[2]) Гельд. -„Развитие крупной промышленности в Англии“ 1899 г. ст. 112.

Производство переросло внутренний рынок, сукно экспортировалось за границу. Вывозом сукна занимались крупные экспортные компании, которые благодаря организованности сильно влияли на таможенное законодательство, направляя его в интересах суконной промышленности. Это тем легче было выполнить, что интересы экспортеров и суконных промышленников совпадали с интересами сельского хозяйства, в частности, овцеводства.

Покровительство суконной промышленности не обходилось без жертв со стороны других отраслей народного хозяйства. С одной стороны, внутренний рынок для сукна был расширен целым рядом правительственных декретов. Потребитель обязан был покупать сукно по случаю похорон и т. д.[1]).

С другой стороны, с появлением спроса на шерсть многие пахотные земли были превращены в пастбища, а мелкие владельцы были массами изгнаны со своих насиженных мест. Ради суконной промышленности притеснялось льняное производство.

Законы 1711, 1720, 1722 и 1726 годов знаменуют собой кульминационный пункт покровительства суконной промышленности. Вывоз шерсти был запрещен, сильно обложены все отрасли, конкурирующие с суконной. Суконщики даже видвигали проект регистрации всех овец, чтобы системой принудительного регулирования предотвратить обходы покровительственных законов.

К середине 18-го столетия развившееся овцеводство вступило в противоречие с интересами суконной промышленности.

При переходе к машинному производству в Англии покровительство становилось вредно и для самой суконной промышленности. Оно задерживало введение усовершенствованных способов производства, оно разлагало овцеводство,

[1]) Гельд.— Там же на 117 стр. приводит выдержку из ходатайства суконщиков „Из этого явствует, что ношение и употребление печатных цветных и бумажных материй для обивки мебели, украшения комнат, на одежду или для иного употребления, очевидно, ведет к большому вреду для шерстяного и шелкового производств в королевстве, и вызывает увеличение количества бедняков и если не будут приняты решительные меры, то повлечет за собой окончательное уничтожение означенных отраслей промышленности, разорение нескольких тысяч подданных его величества и их семей, положение которых целиком зависит от этих производств“.

сводя его на грубые сорта. В дальнейшем расширение производства заставило ввозить шерсть из-за границы, тем самым отнималось у суконщиков побуждение требовать покровительства. В результате всего этого в 1825 г. был положен конец покровительству в суконной промышленности.

Хлопчато-бумажная промышленность.

Совершенно иным способом развивалась хлопчато-бумажная промышленность. Она не только не пользовалась покровительством, но была, наоборот, гонима ради суконной. «Она была, таким образом, по природе фритредерской» [1]). Первые известия о ней идут из Манчестера в 1641 г., хотя хлопчато-бумажное производство было запрещено ради уничтожения конкуренции с суконной промышленностью. Только с 1736 г. разрешено было производить хлопчато-бумажные ткани, но с льняной основой.

С изобретением прядильного станка начинается сильнейшее развитие этой отрасли, вопреки всей политике правительства. В 1771—1776 г.г. было потреблено в среднем 3 миллиона фунтов хлопка, 1/5 всего потребленного в Европе. В 1781—1785 г.г. потреблено уже 10.800 тысяч фунтов [2]). С 1763 г. было разрешено изготовлять пряжу из одной бумаги.

В общем нужно признать, что до 1760 г. хлопчато-бумажная промышленность была слабо развита, «даже в 1766 г. наш английский хлопчато-бумажный вывоз достиг лишь 1/20 стоимости вывоза шерсти» [3]).

Изобретение механического прядения, а потом ткачества, так подвинуло хлоп.-бум. промышленность, что она постепенно заслонила собой суконную. «В течение 15 лет хлопчато-бумажное производство утроилось, так что период времени с 1788—1803 г. был назван «его золотым веком» [4]). Несмотря на такое блестящее развитие, только в 1831 году были совершенно отменены пошлины на ввозимый хлопок и на вывозимые хлопчато-бумажные ткани.

[1]) Гельд.— стр. 119.
[2]) Бэр.— «История всемир. торговли» стр. 277—278.
[3]) Тойнби.— «Промышленный переворот в Англии в XVIII веке» Москва, 1998 г, стр. 45.
[4]) Тойнби.— там же, стр. 133.

В результате удешевления хлопчато-бумажные изделия стали достоянием широчайших масс, на что указывают следующие цифры: [1])

Емкость внутрен. рынка.		Вывоз хлопч. бум. изделий в те же годы.	
в 1766 г.	379.241 ф. ст.	в 1766 г.	220.759 ф. ст.
„ 1819—21 г.	13.044.000 „ „	„ 1819—21 г.	13.740.000 „ „
„ 1829—31 „	13.351.000 „ „	„ 1829—31 „	18.074.000 „ „

Ценность же всего ввезенного и переработанного хлопка равнялась: [2])

в 1770 г.	1 милл. ф. ст.
„ 1775 „	4 „ „ „
„ 1784 „	18 „ „ „
„ 1800 „	56 „ „ „
„ 1809 „	88 „ „ „
„ 1819 „	133 „ „ „
„ 1839 „	352 „ „ „
„ 1859 „	755 „ „ „

Насколько был велик технический прогресс в хлопчато-бумажной отрасли показывает следующая таблица:

	Г	О	Д	Ы				
	1784	1797	1812	1822	1832	1860	1882	1892
Цена 1 ф. пряжи № 40	10 ш. 11 п.	7 ш. 6 п.	2 ш. 6 п.	1 ш. 4 3/7 п.	11 3/4 п.	11 1/2 п.	10 1/2 п.	7 3/4 п.
Цена необходимой хлопч. бум.	2 ш.	2 ш. 4 п.	1 ш. 6 п.	9 п.	7 1/4 п.	6 7/8 п.	7 1/8 п.	4 7/8 п.
Остаток на издержки и прибыль	8 ш. 11 п.	4 ш. 2 п.	1 ш.	7 3/4 п.	4 п.	4 5/8 п.	3 3/8 п.	2 7/8 п. [3])

Льняное производство.

Льняное производство также несмотря на большие рогатки со стороны правительства и на заграничную конкуренцию, давала излишки сверх потребностей внутреннего рынка:

в 1728 году	на 2.183.978 ярдов.
„ 1738 „	„ 4.666.011 „
„ 1753 „	„ 9.422 593 „

[1]) Шульце-Геверниц.— «Крупное производство» 1897 г. стр. 42; см так же Гельд 207.
[2]) Бэр,— там-же 282.
[3]) Шульце Геверниц,— там же стр. 48—88.

Горная промышленность.

Горные промыслы были развиты благодаря богатству территории Англии рудой, каменным углем. Эдуард III уступил городу Ньюкэстлю еще в XIII веке свои владения с залежами каменного угля с обязательством их разработки. Ремесленники Бирмингама исстари славились металлическими изделиями.

Хотя по тому времени горная промышленность доставляла значительные доходы, однако, она не развивалась с быстротой хлопчато-бумажной. В то время, как текстильная промышленность бурно расширялась и совершенствовала технические методы работы, металлическая прозябала на примитивных способах обработки. Плавка производилась на древесном угле, сильно удоражая железо, и делая его неспособным к конкуренции на мировом рынке. В то же время каменный уголь находил сбыт, главным образом, только в местах добычи, как обиходное топливо. Отсутствие транспорта мешало углю завоевать внутренний и внешний рынок.

Железоделательная промышленность, получила толчок к быстрому развитию со стороны текстильной промышенности во второй половине XVIII века. Последней потребовались машины для выработки тканей. Это обстоятельство оживило металлургию, после чего она стала быстро развиваться. Так меди было добыто в Корнуэльсе в 1726–1735 г.г. — 700 тонн, а в 1750—55 г.г. — 2.600 [1]).

Полосового железа производилось: [2])

в 1737 г.	. . . . .	18.000 тонн
„ 1788 „	. . . . .	40.000 „

Количество железа добытого в Англии и Уэльсе равнялось. [3])

в 1740 г.	. .	17.000 тонн
„ 1788 „	. . .	68.000 „
„ 1802 „	. . .	170.000 „
„ 1806 „	. . .	250.000 „
„ 1825 „	. . .	442.000 „
„ 1830 „	. . .	650.000 „
„ 1835 „	. . .	1.000.000 „

[1]) Бэр,—стр. 278.
[2]) Там же,— стр. 277.
[3]) Там же.

Общая картина роста промышленности в Англии может быть получена одновременно и из данных о ввозе и вывозе. Рост добычи каменного угля можно косвенно проследить лишь по вывозу его из гаваней Англии. При чем вывоз из всех гаваней равнялся:

в 1801 г.	приблизительно	2 милл.	тонн
„ 1819 „		4,4 милл.	тонн
„ 1829 „		6,2 „	„
„ 1849 „		11,0 „	„

Средний годовой ввоз в Англию (в фунтах стерлингов).

Годы	Европа	Азия	Африка	Америка	Всего
1698—1701 . .	3.866.720	656.031	17.421	1.029.780	5.569.952
1749—1755 . .	4.527.011	1.119.158	34.279	2.529.998	8.211.346
1784—1792 . . .	9.193.013	3.179.136	92.252	5.252.342	17.716.759

Вывоз из Англии.

1698—1701 . . .	5.383.463	214.212	114.043	737.876	6.449.594
1749—1755 . . .	9.291.388	714.105	213 841	2.001.690	12.220.974
1784—1793 . . .	10.411.023	1.795.797	809.546	5.605.626	18.521.942 [1])

По данным, приводимым Макферленом, общая сумма ввоза и вывоза равнялась в 1760 г. 26,5 милл. ф. стерлингов, в 1800 г.— 74 милл. ф. стер., в 1840 г.— 130 милл. ф. стер. и в 1883 г.— 723 милл. ф. стер.. Обращает внимание в общей сумме ничтожность вывоза и ввоза в Америку и в Азию. Главная масса торговых связей падала на Европу. Эта особенность заграничной торговли пережила сильнейшее изменение в Наполеоновскую войну.

Транспорт.

Развитая промышленность и оживленные сношения с за границей требовали соответствующих транспортных средств. Морской флот с раннего средневековья пользовался покровительством английского правительства. В результате чего он быстро увеличивался. В частности, в Лондон прибыло:

[1]) Бэр.— стр. 322.

в 1700 г.—	британских судов	839	с тонажем	80.000	тонн.
„ „	иностран. „	496	„	76.995	„
„ 1750 „	британских судов	1498	„	198.000	„
„ „	иностран. „	184	„	36.340	„
„ 1790 „	британских судов	2154	„	431.890	„
„ „	иностран. „	1016	„	149.209	„ [1]).

Много забот приложено также и к развитию внутреннего транспорта. До второй половины 18 века «транспортирование товаров внутри страны совершалось не при помощи экипажей, а посредством вьючных лошадей» [2]). Дороги были не проезжи. Сначала правительство обязало приходы следить и поправлять дороги, но когда убедилось, что таким образом дорог не улучшить, с середины XVII в. оно раздало в концессии нескольким компаниям постройку дорог, с правом взимания платы за проезд, в результате чего дороги стали приходить в сносный вид. Однако, главную роль в развитии промышленности сыграли проведенные каналы и реки, превращенные в судоходные. Строительство водных путей началось в 1699 г., но лишь со второй половины XVIII века оно приобрело большой размах. К 1825 году насчитывалось 500 немецких миль каналов и израсходовано на них свыше 13 милл. фунт. стерл. В 1812 г. был пущен первый пароход по Клайду, а в 1825 — первый паровоз по жел. дороге. Первая крупная железнодорожная линия открылась в 1830 г. между Ливерпулем и Манчестером.

Технический прогресс.

Развитие промышленности в Англии было обусловлено целой революцией в технических способах производства. В 1733 году Уайт (Wayat) изобретает прядильную машину, но без больших практических последствий. Затем следует Гайс, в 1764—65 г. построивший первую прядильную машину Дженни (Jenny), работавшую сначала 6-ю веретенами, потом 25-ю. Ее усовершенствовал Гаргревс в 1767 г.. В 1768 году были устроены Аркрайтом первые чесальные машины, благодаря чему стало возможно прядение в крупных размерах. В 1796 г. водяной двигатель был заменен паровой

[1]) Бэр,— стр. 270.
[2]) Гельд,— стр. 186.

машиной «Уатта», вследствие чего явилась возможность концентрировать фабрики в городах, вместо того, чтобы строить их разбросанно по берегам рек» [1]).

С ткацким станком дело тянулось с 1695 г., когда Де-Диссон построил механический ткацкий станок. Но только с 1803 года с изобретением Т. Дисонсона, когда малолетка мог управлять двумя механическими станками, ткацкое дело догнало прядение [2]).

В области парового машиностроения Т. Севери в 1698 г. изобрел машину для поднятия воды из рудников. Затем Папен изобрел «Друг горнозаводчика». Но эта машина была не вполне пригодна, так как была малосильна и много поглощала топлива. В 1711 г. она была усовершенствована Ньюкаменом и Коуле. Но только с усовершенствованием Уатта в 1775 и 1777 годы паровая машина приобретает широкое распространение как в текстильной, так и в металлургической промышленности. В 1810 году паровых машин в Англии насчитывалось уже около 5 тысяч.

Англичане прекрасно сознавали выгоды своих технических изобретений и решительно запрещали вывозить свои машины за пределы страны. Запрещению подверглись и части машин, даже механики. Все, что могло перенести технические изобретения на континент, жестоко преследовалось. Механики, увозившие проекты новоизобретенных машин, подвергались гражданской смерти, и за их поимку и доставление в распоряжение правительства назначалась премия.

Сравнение Англии с Францией и Германией.

При сравнении народного хозяйства Англии с хозяйством Германии и Франции становится очевидно, что Англия в области промышленной деятельности ушла вперед Франции лет на 80 и лет на 100 вперед Германии [3]). Паровых машин в Англии насчитывалось в 1810 году 5 тысяч; в Пруссии первая паровая машина была поставлена в 1788 году, а вторая в 1822 г. В 1837 г. их насчитывалось только 300 шт. [4]).

[1]) Гельд.— стр. 204 — 209.
[2]) Гельд.— стр. 210.
[3]) См. Зомбарт.—«Современ. капитализм», 1 том, вып. II, стр. 429. 1905.
[4]) Кулишер.—«Эволюция прибыли с капитала», I т., 79 — 88.

Во Франции до 1815 г. почти не было паровых машин. В 1842 году насчитывалось только 2 1/2 тысячи с 38 тыс. лошадиных сил.

Не менее показательно производство чугуна. В 1788 г. выплавлялось 79% всего чугуна в Англии на коксе. В 1806 г. из 161 завода 159 работали на минеральном топливе.

Создалась железная аристократия, нажившая колоссальные состояния.

Во Франции первый завод, работавший на каменном угле, был сооружен в последние годы XVIII столетия (Крезо), но второй только в 1806 г. [1]). В Германии первый завод на коксе был пущен в 1796 году.

В текстильной промышленности Англия была безусловно монополистской. В Англии в 1788 году существовало уже 142 бумагопрядильных фабрики с 2 милл. веретен; в 1811 году — 4 1/2 милл. веретен [2]). Во Франции «в начале 1806 г. «мюль-дженни», повидимому, еще на положении не очень распространенного новшества, и даже простые «дженни» отмечаются, как прогресс. Старая прялка еще владеет целыми департаментами, особенно там, где кустарные промыслы главенствуют» [3]). Из 4 1/2 милл. веретен в Англии многие работали на внешний рынок. Английские фабрикаты завоевывали один за другим рынки Европы, несмотря на таможенные рогатки. Даже запретительный тариф Наполеона 1806 года. и потом континентальная блокада не могли остановить расширения потребления дешевого ситца на континенте. Можно сказать, что под напором дешевого ситца пал Наполеон.

Чтобы понять причину успеха в конкурентной борьбе английской промышленности, нужно отметить, что в 1812 г. прядильщик мог выпрядать в 900 раз больше, чем до изобретения «дженни» машины; ткач на механическом станке вырабатывал столько же, сколько 40 ручных. Для получения 10 тонн железа нужно было до применения пудлингования 3 недели, после — достаточно было 3-х дней и т. д..

---

[1]) Кулишер.—«Эволюция прибыли с капитала», стр. 95 — 96.
[2]) Соболев.—«Очерки из истории всемирной торговли». 1899 г., стр. 132.
[3]) Тарле.—«Континентальная блокада», 161.

Рост промышленности вызвал сильное увеличение населения Англии. В первую половину XVIII века население возрастало на 3% в десятилетие, к концу 18 века на 11%. С 1801 года на 11—14% и с 1811 г. на 21—21% [1]). В абсолютных числах:

В 1700 году	5.134.516	В 1801 году	10.942.646
„ 1750 „	6.089.684	„ 1821 „	14.391.631
„ 1790 „	8.540.738 [2])	„ 1841 „	18.720.394 [3])

---

[1]) Лависс Рамбо.—«История XIX в.». II т., 44.
[2]) Соболев.—стр. 132
[3]) James Anderson.—«Drei Schriften über Korngesetz und Grundrente mit Einleitung und Anmerkung von L. Brentano. 1893 г.

Положение сельского хозяйства.

Развитие промышленности оказало на земледелие глубочайшее влияние. Увеличение промышленной армии требовало хлеба. Развитие внутреннего рынка в Англии, проведение дорог, стремительное увеличение населения поставило земледелию совершенно новые задачи. Первое пробуждение земледелия от натуральной спячки в Англии кончилось знаменитым изгнанием мелких собственников с общинных земель. Произошло, так называемое, огораживание; оно достигло кульминационного пункта в начале XVI столетия. Огораживание захватило всю страну и особенно сильно южную часть.

Подъем промышленности во второй половине 17 столетия отозвался повышением цен на сельско-хозяйственные продукты. Это повышение цен неуклонно шло до 1815 г.. Доходы с земель повышались, этого было достаточно, чтобы снова были произведены огораживания. Палата общин декретировала одно за другим насилия феодальной аристократии над земледельцами.

Было огорожено:

С 1760 — 1797	. .	2.980.000 акров.
„ 1798 — 1810	. .	1 897.980 „
„ 1810 — 1820	.	1.410.930 [1]) „
Всего . . с 1700 по 1888	. .	8.372.930 акров.

Последние акты огораживания почти уничтожили мелкую земельную собственность и общинные земли. Земля была сосредоточена у крупных собственников, которые передавали ее в арендное пользование. Эксплоатация земель приняла в Англии отличный от всех других стран характер. В ней развилось крупное фермерство. К 1890 г. собственно в Англии, Уэльсе и Шотландии насчитывалось земли 27.924.000 акра. Самими собственниками мелкими и крупными обрабатывалось лишь 4.843.000 акра, остальная земля сдавалась в аренду фермерам.

[1]) Булгаков,—«Земледелие и капитализм». 173 стр., см. также Эшли стр. 565—566.

Развитие сельско-хозяйственной техники.

Как и промышленное развитие, развитие земледелия началось в Англии очень рано. Как и в промышленности, в земледелии Англия много переняла от Голландии. Роджерс считает уже XVII век временем вытеснения пара и замены его плодосменной системой, а XVIII век временем корнеплодов и травосеяния [1]).

Причиной интенсификации земледелия считается создание внутреннего рынка посредством развития промышленной деятельности.

В 1638 г. Габриэль Прэтиз опубликовал сочинение по земледелию [2]), в котором он говорит о пользе огораживания («акр огороженный дает больше, чем 4 неогороженных»), об удобрении пометом голубей, об улучшении глиняных почв песком, о пользе орошения, он рассказывал также о сеялке, дающей экономии 15 шилингов с акра и приводит целый ряд других сведений ветеринарного свойства.

Затем писал о том же Блиц, и особенно много Гартлиб. Следовательно, уже в XVIII веке агрикультурная мысль сильно пульсировала.

Улучшения XVII века сказались в увеличении продукции сельского хозяйства. Вместо $2^1/_2$ мил. населения XVI века, Англия могла прокармливать $5^1/_2$ мил. в XVII столетии и еще вывозить за границу.

Продукция XVIII столетия в свою очередь превышала в 4 раза предыдущее столетие [3]).

Наряду с этим увеличился инвентарь хозяйств, количество скота и улучшилось его качество. Вес быка в 1547 г. равнялся 400 ф.; в 1600 г — он равнялся 600 ф.; в 1754 г. 800 ф. [4]). XVIII век принес земледелию еще больше импульсов для развития, чем XVII столетие, хотя цены на хлеб в 1-й половине

[1]) Роджерс,— стр. 888.
[2]) Роджерс,— стр. 377.—«История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в.» 1899 г.
[3]) Роджерс,— стр. 383.
[4]) Роджерс,—стр. 394. Кржывицкий,—«Агр. вопрос», стр. 79.

благодаря урожаям стояли и невысокие сравнительно с концом XVII века. Тем не менее сбыт хлеба все увеличивался и земледелие было занятием чрезвычайно прибыльным. Между фермерами наблюдалась большая конкуренция, повышавшая ренту владельцу. «Англичанин XVIII века занимался сельским хозяйством с какой-то страстью, занимался и как делом, и как удовольствием или по тому и другому вместе, это была господствующая мода того века. Такое положение дел продолжалось до 2-й четверти XIX века»[1]). До 1765 года Англия представляла страну, вывозившую земледельческие продукты[2]). После этой даты она превращается в страну ввозящую. Емкость рынка хлеба обогнала его производство. Цены поднимались и дела у землевладельцев шли блестяще. Они расширяли запашки, интенсифицировали хозяйство, увеличивали инвентарь. «Прогресс, сделанный сельским хозяйством до 1772 г. бросается в глаза. Орудия и инструменты были гораздо дешевле и лучше. Порода рогатого скота, овец значительно улучшена и сравнительная дешевизна сельскохозяйственных продуктов, господствовавшая повсюду и довольно однообразная для всех продуктов, доказывает нам, что, независимо от продолжительных хороших жатв и от успешности хозяйничания, производство, по крайней мере, некоторое время шло впереди населения»[3]). Артур Юнг во второй половине XVIII столетия отмечает, что «последние десять лет видели более опытов открытий и рациональных предприятий в области земледелия, чем в предыдущие столетия. Если так пойдет дальше, мы увидим скоро сельское хозяйство в состоянии совершенства и покоящемся на таких, же правильных и философских принципах, как врачебное искусство»[4]). В конце XVIII века появился паровой плуг.

С сожалением мы должны отметить, что оживление, отмеченное Юнгом, не было продолжительным. Период войн с Наполеоном дал такое нездоровое повышение хлебных цен, придав продуктам земледелия монопольные цены, что направил энергию сельских хозяйств больше на экстенсивное расширение земледелия, чем на интенсивное. «Нельзя

[1]) Роджерс.— стр. 389.
[2]) Роджерс.— стр. 401, см. таблицу ввоза и вывоза, стр. 19.
[3]) Роджерс.— стр. 399.
[4]) Роджерс. — стр. 389.

удивляться, что за исключением значительного расширения площади пахотной земли и нескольких местных улучшений в овцеводстве за 60-тилетний период 1780—1840 г. г. реальный прогресс в сельском хозяйстве был незначительный»[1]).

Хлебные законы.

Замедление английского земледелия было вызвано неумеренной покровительственной системой. С 60-х годов XVIII столетия обнаружился недостаток хлеба для прокормления населения Англии. Необходим был ввоз иностранного. Землевладельцы потребовали защиты земледелия от иностранной конкуренции, результатом чего и было взимание пошлин с ввозимого иностранного хлеба и премирование вывоза туземного за границу.

До 1760 годов законодательство о ввозе и вывозе хлеба не носило покровительственного характера. С 1760 г. во главу угла ставится развитие отечественного производства хлеба до такой степени, чтобы можно было обходиться без иностранного ввоза

В 1765 г. временно отменены были пошлины на ввозную пшеницу и вывозные премии, но корона получила право временно совершенно запрещать вывоз[2]).

Минуло 8 лет и в 1773 г. ввоз был объявлен свободным только при цене 48 шил. за квартер, вывозные премии не выдавались при цене 44 шиллинга. Подобная цена хлеба считалась достаточной для того времени[3]). Затем идут частичные увеличения пошлин пока в 1815 г. ввоз совсем не был запрещен при цене на внутреннем рынке до 80 шил.. При цене выше 80 шиллингов за квартер ввоз разрешался свободно. Вывоз вообще объявлен свободным[4]). Этот год был кульминационным пунктом торжества землевладельцев, после чего их влияние начинает падать, их интересы заслоняться интересами буржуазии. Для большей полноты мы приводим таблицу пошлин на ввоз пшеницы при цене за квартер. (См. таблицу на стр. 18).

[1]) Роджерс,— стр. 45.
[2]) Гельд,— стр. 137.
[3]) Гельд,— стр. 137.
[4]) Гельд,— стр. 137.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Года	В 50 шил.	В 55 шил.	В 60 шил.	В 65 шил.	В 70 шил.	В 75 шил.	В 80 шил.
	Пошлины			Равнялись			
	Шил. пен.	Шил. пен.	Шил. пен.	Шил. пен.	Шил. пен.	Шил. пен.	Шил. пен.
1791	25 — 3/32	2 — 6. 5/16	6. 3/16	6. 3/16	6. 3/16	6. 3/16	—
1796	26 — 3/10	2 — 8. 1/2	6. 1/2	6. 13/16	6. 1/2	6. 3/2	—
1797	27 — 6. 1/10	2 — 10. 1/32	6. 13/16	6. 1/2	6. 3/1	6. 13/16	—
1803	28 — 1. 10/32	2 — 10. 13/16	6. 31/32	6. 31/32	6. 31/32	6. 31/32	—
1805	31 — 3. 1/8	3 — 2. 21/32	7. 3/4	7. 3/4	7. 3/4	7. 3/4	—
1804	31 — 3.1/8	31 — 3. 3/8	31—31/8	3—2. 21/32	7. 3/4	7. 5/4	—
1805	31 — 10. 5/8	31—10. 5/8	31—5/8	3—3. 11/18	7. 8/9	7. 3/4	—
1806	33 — 11. 5/8	33—11. 5/8	33—11. 5/8	3—6.	8. 4/5	8. 2/5	—
1809	34 — 4. 1/2	34—4. 1/2	34—4. 1/2	3—5. 1/4	8. 1/4	2. 1/3	—
1813	40—9. 27/32	40—9. 27/32	40—9. 27/2	4—1	9. 25/32	9. 25/32	—
1815	ввоз запрещен						ввоз свободен

Система пошлин начала XIX столетия была организованным ограблением страны землевладельцами. Цены неудержимо стремились вверх, непрерывно подгоняемые повышавшимися пошлинами. Интересы землевладельцев отожествлялись с общенациональными задачами. Континентальная блокада во время войны с Наполеоном чрезвычайно затруднила снабжение хлебом Англии с континента. Подвоз хлеба из Америки,

по состоянию транспорта самой Америки того времени, был крайне недостаточен. Чтобы прокормить население Англии хлебом внутреннего производства, необходимо было крупное расширение запашек полей. Это было возможно быстро достигнуть лишь при высоких ценах, которые бы обеспечили бо́льшие доходы от земледелия, чем в промышленности. Высокие цены были обеспечены покровительственной политикой, а при высоких ценах гарантированы были высокие доходы. Вот несколько отзывов о доходах землевладельцев за военный период: «арендная плата увеличилась в 20 раз, а средняя цена пшеницы увеличилась в $6^1/_2$ раз, в то время, как заработная плата возросла почти в $3^1/_2$ раза»[1]). «Рента поднялась до неслыханных размеров, она с 1790—1812 г. без исключения, по крайней мере, удвоилась, в отдельных случаях учетверилась». «В сельском хозяйстве выдается на первом плане факт громадного возвышения ренты. Вплоть до 1795 г. рента, хотя и поднялась в некоторых местах, но оставалась в других неизменной со времени революции, но между 1790 г. и 1833 г. она, согласно Поттеру, по меньшей мере удвоилась»[2]). Подобных свидетельств можно привести очень много. Динамика цен за период войны была такова:

За квартер пшеницы платили:

1797 г. 50 шилл. 1 пен.	1801 г. 188 шилл. 3 пенс.	1805 г. 87 шил. 10 п.
1798 г. 50 » 3 »	1802 г. 67 » 5 »	1806 г. 79 » 0 »
1799 г. 67 » 6 »	1803 г. 56 » 6 »	1807 г. 75 » 3 »
1800 г. 113 » 0 »	1804 г. 60 » 1 »	1808 г. 79 » 0 »

1809 г. 95 шил. 7 пенс.
1810 г. 106 » 2 »
1811 г. 94 » 6 »
1812 г. 125 » 5 »
1813 г. 101 » 9 » [3])

Чтобы понять, насколько рост цен на хлеб в Англии был явлением нездоровым, мы приводим сравнительную таблицу цен на хлеб для трех стран. Принимая цену хлеба в Пруссии за 100, мы будем иметь следующую таблицу.

---

[1]) Роджерс.— стр. 396.
[2]) Тойнби,— стр. 136.
[3]) Диль.— «Комментарии», стр. 291.

Годы	Пруссия		Франция		Англия	
	Дейст.	%	Дейст.	%	Дейст.	%
1818	94	100	108	114	163	172
1819	67	100	81	119	140	207
1820	56	100	84	140	121	228
1821	55	100	78	124	106	190
1822	54	100	68	145	87	153
1823	52	100	77	188	100	190
1824	37	100	71	194	120	319
1825	34	100	19	182	120	372
1826	38	100	69	166	111	291
1827	48	100	50	—	101	211[1])

Такая громадная разница в ценах не может быть объяснена одной только войной. Тук приводит данные, из которых становится очевидным, что в периоды целого ряда войн хлебные цены понижались [2]), а не повышались.

По ввозу и вывозу мы можем составить себе представление об изменении роли сельского хозяйства с 60-х годов XVIII столетия в Англии, для чего приводим следующую таблицу.

Ввоз и вывоз хлебов в Англию в тысячах центнеров.

Года	Пшеница		Ячмень	
	Вывоз	Ввоз	Вывоз	Ввоз
1697—1708	2.318	8	3.062	—
1727—1747	18.766	538	15.614	168
1747—1766	29.950	1.113	21.158	84
1786—1808	6.251	41.957	7	3.046
1767—1786	7.871	14.066	—	—
1807—1826	4.342	38.398	361	7.750
1827—1846	9.754	116.580	696	18.757[3])

[1]) Георгиевский — Международная хлебная торговля. 1885 г.
[2]) Тооке.—„Die Geschichte und Bestimmung der Preise während der Jahre 1793—1857. Dresden 1858, 50 S.
[3]) Георгиевский.— Международная хлебная торговля, 1-й вып. 1885 г. стр. 161. См. также Роджерс, стр. 409.

60 годы можно считать гранью для земледелия, за которой хлебные цены стали повышаться, вывоз хлеба из Англии падать, а ввоз расти. Страна быстро индустриализировалась, емкость внутреннего рынка повышалась. Производство хлеба также сильно росло. Рост происходил за счет интенсификации сельского хозяйства, а также за счет увеличения запашек. При чем во время войны рост производства хлеба происходил главным образом за счет экстенсивного расширения запашек. Отсюда и получила свое происхождение теория земельной ренты Рикардо.

Почвы Англии представляют собой большое разнообразие. Первое основное различие: на юге преобладают почвы мягкие: пески, глина, хрупкие породы песчаника, мел, нежные известняки; а на севере, наоборот: твердые песчаники, сдавленные слои глины, превращенные в сланцы; известняки носят кристаллический характер. Кроме того, в каждом из этих больших районов, в свою очередь, наблюдается в почвенном отношении большое разнообразие участков [1]). Экстенсивное расширение запашек на таких разнообразных почвах вело к особенно сильному повышению издержек производства.

О факте расширения запашек и расширения за счет худших земель имеются многочисленные свидетельства. Вновь обработанная земля естественно не могла равняться по плодородию с уже культурной землей. Она еще только пускалась в обработку, а культурная уже впитала в себя большое количество капитала, в результате чего искусственное, слившись с естественным, поставило ее на более высокую ступень. Но на основании отмеченного факта, Мальтус, Уэст, а затем Рикардо построили свои теории земельной ренты и особенно, так называемый, законубывающего плодородия. Частный случай хозяйственной жизни Англии, небольшой период, богатый большими пертурбациями, теоретики сочли возможным объявить примером нормального развития хозяйства, на основании чего построили свои теории земельной ренты, включив ее в общую схему народного хозяйства.

Заработная плата.

Заработная плата за период роста цен постоянно отставала от них, к тому же технический прогресс, заменяя рабочих машинами, выбрасывал их на мостовую.

[1]) Энциклопедический словарь Граната, т. 8 стр. 215—190.

С введением машин женский и детский труд стал конкурировать с мужским. Законодательной охраны труда не было, рабочие союзы преследовались, как преступные организации,—все это не облегчало тяжелого положения рабочих. Рождерс указывает, что при увеличении аренды в 20 раз, цены пшеницы в $6^1/_2$ раз, заработная плата повысилась только в $3^1/_2$ раза[1]). «Средняя недельная заработная плата сельско-хозяйственного рабочего, по вычислениям Артура Юнга, равнялась 7 шиллингам 6 пенсам — от 1767 по 1789 г.; 10 шиллингам — от 1799 по 1803 г.; и 12 шиллингам — от 1804 по 1810 г.; в 1811 г. она равнялась 12 шиллингам 9 пенсам. На этой высоте она оставалась три года, упала на 17% с 1814 по 1818 г., еще на 20%—в 1819—20 годах, приблизительно на 12% в 1821 г., еще на 5% в 1822 г.»[2]).

«Что положение рабочего класса в сельском хозяйстве с дороговизной ухудшается — это хорошо известно, так как заработная плата отнюдь не поднимается в том же отношении как цена средства существования»[3]). Шульце-Геверниц приводит следующую таблицу падения еженедельной заработной платы ткача в Больтоне[4]).

1797—1804—	26	ш.	8	п.—	100	фунт.	пшеничн. муки
1804—1811—	20	„	—	„ —	79	„	„ „
1811—1818—	14	„	7	„ —	60	„	„ „
1818—1825—	8	„	9	„ —	48	„	„ „
1825—1832—	6	„	4	„ —	38	„	„ „

142	фун.	овсян.	муки.				
115	„	„	„				
79	„	„	„				
64	„	„	„				
48	„	„	„				

Правда, положение текстильных рабочих было самое ужасное, так как здесь всего больше вводились машины. Но свидетельство одной из комиссий о положении сельско-хозяйственных рабочих ставит последних не в лучшее положение сравнительно с ткачем. Свидетельство отчета сводится к тому, что в целом ряде районов рабочие не получают заработной платы полностью, они вынуждены прибегать к дополнительным подачкам со стороны приходских комитетов по содержанию бедных [5]).

[1]) Роджерс.—стр. 396.
[2]) Там же.—стр. 422.
[3]) Тооке.—стр. 6.
[4]) Шульце-Геверниц.—«Крупное производство»—1897 г., 42.
[5]) Булгаков.—«Капитализм и земледелие» т. I, 1900 г. стр. 204.

Нищенская заработная плата существовала наряду с большой земельной рентой, и прибылью, обеспечивая их высоту.

Буржуазия, обезвредив рабочих, не могла остаться равнодушной к высокой земельной ренте, так как она удорожала товары, делая их менее способными в конкурентной борьбе на мировом рынке. Это было самым больным местом английской буржуазии. Затем, самый темп развития народного хозяйства с его технической революцией требовал большого накопления. Всякий шаг, направленный к ослаблению позиции капиталиста, вызывал с его стороны самую непримиримую вражду.

Рикардо отражал возмущение буржуазии. Он глубоко прав, отмечая непримиримый антагонизм между прибылью и земельной рентой, между капиталистом и землевладельцем.

В результате — борьба против хлебных законов, т.-е против системы покровительства земледелию путем пошлин и премий, кончившаяся в 1846 году их отменой.

Рикардо до 1823 г. стоял в центре борьбы между буржуазией и землевладельцами. В его книге, несмотря на ее абстрактность, заключена, как в фокусе, и борьба и хозяйственная жизнь его эпохи. Рикардо более, чем кто-либо, был сыном своего века, поэтому ко всем ошибкам и своеобразию его теорий можно подходить, только погрузившись в период расцвета Англии. Такой способ рассмотрения избавит нас от многих ошибок критиков Рикардо.

Предшественники Рикардо в учении о земельной ренте.

На протяжении конца XVIII и начала XIX столетия между буржуазией и землевладельцами шла ожесточенная борьба. В 1776 году Адам Смит выпустил свое «Богатство народов», в котором он стоял за свободу торговли. В следующем 1777 году Андерсон (1739—1808) выпустил письмо, в котором он считал необходимым покровительство земледелию, так как из-за этого приливали в земледелие капиталы, усиливая тем самым интенсификацию. Он полагал, что труд в отсталых странах может быть и дешевле, чем в передовых, но в конце-концов, производительность труда всегда выше в странах передовых. Происходит это из-за внесения капиталов в промышленность. Чем обильнее прилагаются капиталы к данной отрасли производства, тем производительнее будет в ней труд. Андерсон не признавал закона убывающего плодородия, он допускал ренту как дифференциальную, так и абсолютную. В наше время трактовку Андерсона защищает Брентано. От Андерсона тянутся нити к Мальтусу. Мальтус примерный плагиатор с одной стороны, с другой, он рыцарь феодальной аристократии. Мальтус (1766—1834) жил почти в то же время, что и Рикардо. Ему нужно было укрепить позицию землевладельцев, но социальные нестроения были настолько вопиющи, очевидность несправедливости получения землевладельцами рент так бесспорна, что их нельзя было обойти молчанием. Нужно было свалить с плеч аристократии тяготеющее на ней обвинение в тунеядстве. Мальтус взялся объяснить повышение цен на хлеб естественными причинами, устранить которые не в силах человек или отдельные классы. Он признает только дифференциальную ренту. Дифференциальность и как следствие ее — повышение цен, вызывается необходимостью переходить

с развитием общества от лучших участков к худшим. Переход вызывается слишком быстрым размножением населения. Не всякий новый рот и желудок могут рассчитывать на пищу. В конечном счете, если наблюдаются социальные беды, то в них повинно только необузданное размножение населения. Ограничение деторождения единственное лекарство и единственное средство социального устроения. Вопрос стоит, тем более остро, что какой угодно приток нового капитала в земледелии будет натыкаться или на худший участок, или на закон убывающего плодородия. Иначе говоря, с развитием общества добывание пищи будет становиться все труднее и труднее. Здесь Мальтус ловко подменяет трудность распределения продуктов в капиталистическом обществе, трудностью добывания средств существования. Поэтому не борьба против хлебных законов, не понижение цен хлеба, а борьба с законами о бедных и ограничение деторождения должны считаться актуальными задачами момента. Своим учением Мальтус вызвал восторг со стороны имущих классов, вплоть до предложения ему пожизненной пенсии самым скупым из лордов Англии и горячую ненависть со стороны рабочих масс [1]).

Одновременно с Мальтусом или даже раньше его опубликовал свое сочинение о земельной ренте Уэст [1]). Маркс отмечает работу Уэста, как сделавшую эпоху в политической экономии [2]).

И Мальтус и Уэст выпустили свои сочинения под влиянием только что опубликованных результатов исследования парламентской комиссии 1814 года. Комиссия особенно резко подчеркнула (в интересах землевладельцев), что, в связи с большим спросом на хлеб и высокими ценами, были произведены массовые запашки новых земель худшего качества, в результате чего самая высокая цена покрывает только издержки производства на этих землях. Всякое понижение цен вызовет гибель капиталов, вложенных в новые земли. Погибнут также и капиталы, которые вложены повторно на старых землях, так как всякая новая затрата не дает одинакового с прежним эффекта. Отсюда знаменитый закон убывающего плодородия.

---

[1]) Мальтус опубликовал свое исследование о зем. ренте в 1815 г. под названием: «Исследование о природе и возрастании ренты».
[2]) West.—«Essay on the Application of Capital to haud». London. 1815.
[3]) Маркс.—«Капитал», т. I, стр. 547 прим.

Эти выводы широко распространились в английском обществе, они были сильным козырем в руках землевладельцев. Рикардо также принял эти положения, хотя его конечные выводы и противоположны выводам Мальтуса.

Обобщение на основании одного периода экономической жизни Англии в теории составляет слабую и сильную сторону английских авторов. Сила их заключалась в том, что, теоретизируя над явлениями повседневности, они помогли в борьбе современникам и тем самым достигли большой популярности. Слабость их заключается в том, что проверка их выводов на более широком базисе легко опрокидывала их построения.

Таким образом, Рикардо имел предшественников в разработке теории земельной ренты. Уэст, например, по свидетельству Диля, сильно сходен в построениях и выводах с Рикардо [1]). Зибер считает отдел земельной ренты у Рикардо наименее самостоятельным отделом [2]). Сам Рикардо неоднократно подчеркивал, что он в теории земельной ренты многим обязан Мальтусу [3]), а в предисловии к «Началам» он отмечает Мальтуса и анонимного автора (Уэста), как давших «истинное учение о ренте» [4]).

Об Уэсте Рикардо упоминает только один раз, что вполне понятно, так как Уэст только что выступивший на сцену, был мало известен. Совершенно иначе отзывается Рикардо о Мальтусе. В целом ряде мест он подчеркивает свою связь с Мальтусом, он отмечает большие теоретические достижения Мальтуса. Мальтус к тому времени уже пользовался широкой популярностью. Первое его сочинение «Опыт закона о народонаселении» было опубликовано в 1798 г.. У него было не мало точек соприкосновения с Рикардо.

---

[1]) Диль.—«Комментарии», стр. 333.

[2]) Сочинение Д. Рикардо, перев. Зибера. 1882—XIII стр.

[3]) Там же, примечание.

[4]) Д. Рикардо,—«Начала политическ. экономии и податного обложения». 1910 г., стр. 2. Сочинение Давида Рикардо, пер. Зибера, 1882 г.:

«Мальтус еще, кроме того, удовлетворительно выяснил принцип ренты», стр. 273.

«Во всем, что мною сказано по отношению о происхождении и возрастании ренты, я только вкратце повторяю и стараюсь разъяснить начала, изложенные с таким талантом Мальтусом по тому же предмету», стр. 408.

«Начала, регулирующие ренту, установлены вкратце на следующих страницах и отличаются лишь в слабой степени от тех, которые развиты Мальтусом с такой полнотой и таким талантом в его последнем превосходном сочинении, которому я обязан весьма многим», стр. 404.

Однако, мы должны отметить, что Рикардо перенял теорию земельной ренты Мальтуса только до известного предела. Уже сама принадлежность их к противоположным по интересам классам — Рикардо к буржуазии, Мальтуса к землевладельцам — должна была указать первому ошибки Мальтуса. «Во всяком случае, в объяснении ренты Мальтус некоторое время идет по одному пути с Рикардо, но затем их дороги расходятся и уже в остальном анализе ренты между ними проявляется глубокий разлад; однако, полное разногласие выступает во всей своей силе в социально-политической оценке ренты, как общественного явления» [1]). Если Мальтус строил свою теорию земельной ренты, чтобы доказать необходимость хлебных законов, то Рикардо из тех же почти оснований вывел необходимость борьбы с хлебными законами. Мальтус полагал, что земельная рента обогащает общество, Рикардо считает, что земельная рента ничего не прибавляет к запасам общественного богатства. Рикардо подробно критикует земельную ренту Мальтуса, несмотря на заявление о глубине и талантливости изложения этой теории Мальтусом.

Земельная рента, несмотря на предшественников, в политической экономии связана с именем Рикардо. Он заслонил своих предшественников. Причины тому ясны. В то время, как предшественники давали теорию земельной ренты изолированной, без связи со всей системой теоретической экономии, Рикардо ввел ее в свою теоретическую систему и тем самым укрепил ее положение [2]).

Теория земельной ренты у Рикардо находится в постоянном соприкосновении со всеми остальными проблемами. Заработная плата, прибыль и земельная рента так тесно переплелись, что в капиталистическом хозяйстве немыслимо существование одной категории без другой. Рикардо

---

[1]) Диль.—«Комментарии,» 338; см. также Маркс—«Теории прибавочной стоимости», II, I, 136.

[2]) Маркс.—«Теории прибавочной стоимости», II, I. 139. «Рикардо не являлся изобретателем теории ренты. Уэст и Мальтус опубликовали свои сочинения по этому вопросу до него. Источник — это Андерсон. Что, однако, отличает Рикардо (хотя и у Уэста не вполне отсутствует правильная связь) — это связь у него земельной ренты с его теорией ценности». См. также К. Marx — «Theorien über den Mehrwert», II, II, 202. «Нужно сказать, что Рикардо не сделал ни малейшего движения вперед сравнительно со своими предшественниками в ренте, понимая ее просто, как дифференциальную ренту... его значительной заслугой... считают научную формулировку вопроса».

в капиталистическом производстве видел идеальную форму хозяйствования. В ожесточенной борьбе между землевладельцами и капиталистами он, не колеблясь, стал на сторону последних, так как их считал носителями прогресса. В своих теоретических исследованиях он был активным защитником общественного прогресса. При чем в этой защите он был настолько объективен, что там, где он считал капиталистов силой, противодействующей прогрессу, он выступал и против них. Вообще же он являлся серьезной теоретической опорой для «третьего сословия» [1]).

---

[1]) Тойнби, 223. «Рикардо стал столпом средних классов».

Теория дифференциальной земельной ренты.

Главной задачей своих «Начал» Рикардо считал определение законов, которые «управляют распределением продукта земли». При распределении выступают с претензиями на продукт три агента производства. Каждый из агентов имеет своеобразное основание на получение своей доли.

Рабочая сила, ее доля в общем продукте — бесспорна. Без рабочей силы нельзя двинуть ни одного предприятия, ни одной машины, даже в наше время — время высокого автоматизма. Рабочая сила подлежит оплате.

Роль капиталиста во времена Рикардо была тоже бесспорной. Капиталист был живой, организующей производство, силой. Он был олицетворением прогресса. Капиталистический способ производства поставил Англию в XVIII столетии на неизмеримо более высокую ступень экономического развития в сравнении с другими странами.

Если Тюрго объяснял причину получения прибыли и процентов рентой, то Андерсону и Мальтусу пришлось объяснять и оправдывать ренту по аналогии с прибылью. В умах современников укоренилась полная правомерность прибыли, правомерность же ренты оспаривалась. Рикардо считал большую прибыль причиной благосостояния, развития и счастья нации, большую же земельную ренту общественным злом.

С развитием капитализма в земледелии землевладелец стал сходить на роль только получателя ренты. Он не был ни организатором, ни тем более производителем продуктов земли. В роли производителя в Англии появился новый слой людей — это фермеры. Землевладелец сделался совершенно лишним, ненужным в процессе производства. Рента оттягивала капитал от непосредственного приложения в земледелии. Собственность стала барьером, препятствующим развитию сельского хозяйства. Существование земельной собственности капиталисты и

рабочие должны были окупать, поступаясь первый частью своей прибыли, а второй частью своей заработной платы. Это несоответствие земельной собственности капиталистическому производству вызвало целый ряд памфлетов, а также и теоретических исследований, как за, так и против.

Обе стороны обращались к теории земельной ренты для оправдания своей точки зрения, вследствие этого теория земельной ренты приобрела особый интерес. В частности, теория земельной ренты Рикардо вызвала наиболее сильные нападки, так как она, благодаря глубине, общей связи со всей теоретической системой, сильно импонировала противникам землевладения. От нее путь к Г. Джорджу и другим национализаторам. Она в то же время—корень социалистических учений о землевладении. «Я на деле считаю Рикардо,— говорит Лассаль,— нашим непосредственным отцом. Его определения поземельной ренты я считаю могущественнейшим коммунистическим делом» [1]).

Основные положения земельной ренты Рикардо заключаются в следующем [2]):

Представим себе Зеленый остров, на котором поселилось несколько племен. Земля здесь неоднородна. Она распадается, примерно, на 5 сортов по качеству и местоположению. Населения на острове пока еще так немного, что ему с излишком хватает земли первого сорта. Никто никому за пользование землей ренты не платит, так как земля имеется в изобилии, и если будет взиматься плата за один участок, то земледелец перейдет на другой бесплатный, такого же качества. С ростом населения хлеба требуется все больше. Приходится расширять запашку, а в связи с этим переходить к землям худшего качества. В связи с этим издержки производства растут, продукт удорожается, следовательно, хлебные цены растут. Общество вынуждено переплачивать за хлеб, так как без добавочного хлеба оно обойтись не может. Производители на землях первого сорта получают, кроме обычной прибыли, добавочную прибыль. Землевладелец, учитывая, что капиталист обычно получает среднюю прибыль, считает, что всякая добавочная прибыль может быть им забрана без нарушения капиталистических основ производства. Эта добавочная

[1]) Лассаль.—«Письма», 1906 г., стр. 30.
[2]) Рикардо.—«Начала», пер. Рязанова, 1910 г., II гл.

прибыль составляет доход землевладельца или земельную ренту. Дальнейший рост населения вынуждает общество снова переходить от второго сорта земли к худшему третьему; тем самым рента повышается с первого участка, появляется рента на участке второго сорта. Таким образом, общество доходит до последнего сорта земли, рента в связи с этим увеличивается, хлебные цены растут. Последний сорт земли ренты не платит, так как он регулирует цену хлеба, которая в свою очередь опирается на издержки производства плюс средняя прибыль. Если допустить взимание ренты с худшего участка, тогда цена хлеба получила бы монопольный характер. Этого, по мнению Рикардо, не может быть в нормальном капиталистическом обществе.

Увеличение сбора хлеба может произойти еще посредством увеличения капиталов в земледелии. Это обстоятельство приобрело большое значение на острове, когда там накопились капиталы, а запасы земли по отношению к растущему населению уменьшались. Однако, равные капиталы не могут в земледелии давать одинаковых результатов, если они вкладываются постепенно, один за другим, в производство. Следовательно, и капитал не может уничтожить ренту, наоборот, различие в производительности равных долей капитала создает новый вид ренты. Чем больше увеличивается различие обрабатываемых участков, тем выше становится и рента. При уменьшении разницы рента понижается. Если бы земля была одного качества и в неограниченном количестве, то рента совсем бы отсутствовала.

Рост ренты не обогащает нации, а является только результатом увеличения стоимости, а, следовательно и цены сельскохозяйственных продуктов, поглощая, таким образом, все бóльшую долю общественного дохода.

Мирно текла жизнь безрентных островитян, появилась рента и посеяла вражду в обществе, и повела его к мрачному будущему.

Вот вкратце содержание теории дифференциальной земельной ренты Рикардо. Против нее были сделаны возражения.

Начнем с возражения Кэри, Бастиа, Зелигмана и Брентано, которые сводят свои положения к тому, что ренты вообще не существует. Кэри, возражая Рикардо, заявляет: «такой ренты, воображаемой Рикардо, никогда и нигде не

было. Тысячелетний опыт Европы и столетний Америки приводят нас к противоположным выводам»[1]).

Позднее Зелигман, как представитель течения, считающего всякую сверхприбыль рентой, полагает, что «качественно поземельная рента составляет лишь незначительную часть всей ренты в целом»[2]), так как особый сверхдоход доставляется, как пароходами, желдорогами, так и большинством промышленных предприятий. Даже рабочие некоторых квалификаций получают сверхзаработную плату — ренту. Словом, «земля занимает здесь совершенно такое положение, как и все прочие предметы»[3]).

Совершенно иначе построил свои возражения Бастиа. В его время во Франции шла борьба между буржуазными полит. экономами и социалистами. Яблоком раздора была земельная собственность. Социалисты допускали возможность существования частного капитала и резко нападали на землевладение. Одно подведение землевладения под понятие капитала избавляло собственников от неприятных нападок За выполнение поставленной задачи взялся Бастиа. Он заявил, «что во Франции нет ни одного поля, которое бы имело цену, равную тому количеству капитала, которое на него затрачено»[4])... Этот мотив проводился еще Андерсоном, потом, подхваченный Брентано, сделался достоянием широких кругов теоретиков политической экономии». Без наличия ренты, — говорит Брентано, — не происходит мелиорации, так как не доставало бы интереса, чтобы мелиорировать неплодороднейшие земли. Неплодородные земли, не приносящие ренты, не мелиорируются»[5]). Далее Брентано утверждает, что подъем цен хлеба при мелиорации замедляется или умеряется, поэтому, где собственность, там и земельная рента, а где земельная рента, там пробуждается интерес к улучшениям, к интенсификациям, следовательно, к прогрессу сельского хозяйства[6]) При всей соблазнительности приведенных выводов мы не можем не согласиться с Чернышевским и Миллем, что все возражения против теории Рикардо

[1]) Кери,—«Руководство к социальной науке» 1869 г. 520, 524.
[2]) Зелигман,—«Основы полит. экон.»» 1908 г. 348.
[3]) Там же, стр. 354.
[4]) Исаев,—«Начала политической экономии». 1908 г. 332.
[5]) James Anderson,—«Drei Schriften» XX.
[6]) James Anderson,—«Drei Schriften» XXI. XXVI.

возникли из-за смешения[1]) земельной ренты с другими категориями.

Тождественна ли земельная рента с прибылью? Мы знаем, что прибыль получается на затраченный в производстве капитал. Земельная рента есть плата за входной билет, плата за титул собственности. Прибыль получается от капитала, который, оплодотворяясь рабочей силой, двигает общество до известной ступени по пути развития производительных сил. Земельная рента не только ничего не вносит в земледелие, но представляет вычет части общественного капитала в целом, которая могла бы быть внесена в земледелие, так как земельная рента идет на содержание класса землевладельцев, который в капиталистическом процессе производства является излишним. Рикардо, как бы предвидел подобные возражения, когда он писал: «ее (земельную ренту), однако, часто смешивают с процентом и прибылью на капитал, в обыденной речи этот термин применяют ко всем ежегодным платежам фермера землевладельцу... Законы, управляющие движением ренты совершенно отличны от законов, управляющих движением прибыли, и редко действуют в одном и том же направлении»[2]).

В самом деле, если принять точку зрения Кэри, Зелигмана, Бастиа и Брентано, то совершенно будет непонятна рента с необработанных участков, с неиспользованного леса, только что открытых рудников и т. д.. Ведь, там не было вложено ни одного грамма капитала и все же земельная рента имеется. С другой стороны, если приравнять ренту к прибыли, то каким образом можно объяснить постоянную тенденцию к падению нормы прибыли и, наоборот, рост земельной ренты. Отрицая ренту, как самостоятельную категорию, нельзя объяснить роста хлебных цен вплоть до второй половины XIX столетия и причин понижения цен на хлеб за вторую половину XIX столетия. Отрицание ренты просто противоречит фактической стороне дела Рента получается землевладельцами, наряду с этим капиталистические фермеры получают среднюю прибыль. Это явление не временное, не спорадическое. Такого постоянства ни в одной

[1]) Милль.—«Основание полит. экон.» пер. и прим. Чернышевского, 1909 г. стр. 406.
[2]) Рикардо.—«Начала», стр. 34—35.

отрасли промышленности с сверхприбылью не наблюдается. Следовательно, несмотря на приводимые соображения, мы считаем вполне правильным утверждение Рикардо, что «рента есть сумма, уплачиваемая землевладельцу за пользование землей и только землей»[1]).

Сам Зелигман, отрицая за земельной рентой какую-либо своеобразность, заявляет, однако, что «с количественной стороны земля представляется столь важным, в сравнении с другими предметами, и обладает столь своеобразным социальным значением, что доход от земли заслуживает особого рассмотрения»[2]). Брентано также хлопочет больше о том, чтобы разъяснить, «что эта рента (Андерсона) очень отлична от ренты же Рикардо»[3]).

Соглашаясь с Рикардо что земельная рента существует, и что ее нельзя смешивать ни с прибылью, ни с случайным увеличением прибыли — сверхприбылью, мы должны отметить у него целый ряд неправильных и неясных моментов.

Прежде всего, Рикардо грешит отсутствием ясности в вопросе исторической трактовки земельной ренты. Анализируя земельную ренту, он переносится из чисто капиталистической Англии в колонии, где сельское хозяйство не является капиталистическим. С другой стороны, самый переход от безрентного пользования землей к платежу ренты и роль при этом земельной собственности крайне сбивчива и не ясна.

Внеисторичность — грех, в котором повинна вся классическая школа. Все грани между капиталистическим и до-капиталистическим хозяйством стираются, при чем первая формация считается установленной на вечные времена.

Уже при изложении земельной ренты Рикардо было отмечено, что у него переход от полной свободы пользования землей к моменту получения собственниками земли ренты совершенно не затронут. В самом деле, где была частная собственность в период безрентного пользования землей? Да и была ли она? Совершенно не ясно. Собственность осязательно сваливается на землю только в момент перехода к худшему участку, когда лучший участок начинает давать ренту. Благодаря этому недостатку Рикардо

[1]) Рикардо,—«Начала», 109.
[2]) Зелигман, там же ,348.
[3]) James Anderson.—«Drei Schriften». XXXIII.

совершенно опустил период, так называемого, первоначального накопления, который в Англии прошел особенно кроваво [1]). Перед его глазами, повидимому, стояли два примера: свободный захват земель переселенцами в девственной Америке, и высокие ренты за пользование землей в Англии. Ясного различия между между этими двумя формами хозяйства у него не было. Поэтому, вполне правильны упреки Рикардо со стороны Маркса во внеисторичности и Оппенгеймера в неясности анализа периода первоначального накопления [2]). Рикардо говорит, что при первом заселении страны, когда имеется в изобилии тучная и плодотворная земля, лишь незначительная доля которой нужна для снабжения пищей населения, ренты не существует...». По общим законам предложения и спроса, никто не будет платить ренту за землю точно так же, как никто не платит ренты за пользование воздухом и водой или каким-либо другим даром природы, существующим в неограниченном количестве»[3]). Вся приведенная цитата страдает внеисторизмом.

Рикардо берет свободное население из докапиталистического общественного строя и переносит его в капиталистическое общество, не подозревая, что возможное в первом, во втором совершенно немыслимо В первом, вообще никакой ренты не могло быть. Отнюдь не в силу закона спроса и предложения, которого вообще там не было, не потому, что обрабатывается земля одного сорта, а просто потому, что общественные условия не доросли до капиталистических. Следовательно, не потому отсутствовала тогда рента, что не было перехода на худшие земли, не естественные условия повинны в появлении ренты, а социальные, и этот пункт совсем отсутствует у Рикардо. Оппенгеймер правильно замечает, что Рикардо из монополии искусственной превратил земельную ренту в монополию естественную, тем самым придал земельной ренте более невинный с социальной точки зрения характер, чем это было на самом деле [4]).

Если мы удалимся от примера Англии и американских колоний и посмотрим на эволюцию земледелия и землевладения,

[1]) Маркс.—«Капитал», I т. XXIV гл
[2]) Oppenheimer.—«Theorie der reinen und politischen Oekonomie». 698.
[3]) Рикардо.—«Начала». 35.
[4]) Oppenheimer.—«Rodbertus», 7, 13.

то увидим, что в истории вовсе не наблюдалось перехода от плодороднейшей земли к худшей, с одновременным появлением собственника.

Мы знаем, что по Европе были рассеяны различные племена, они занимали различного сорта землю, обрабатывали ее. Она скудно вознаграждала их труды. Чаще занимался тот сорт земли, который был удобнее расположен, хотя бы его плодородие стояло на низкой сравнительно ступени. Население располагалось, главным образом, около рек, озер, а также по хорошим путям сообщения. К моменту наступления капитализма Европейский континент был сплошь заселен, безотносительно к качеству земли. Уже в эпоху феодализма земледельческое население платило ренту натуральную, с переходом к капиталистической системе, она превратилась в земельную ренту, о которой трактует Рикардо. На грани этих двух общественных формаций произошло, так называемое, первоначальное накопление, в результате которого мелкие производители были лишены средств производства — земли. Этот насильственный захват земли закрепил формы в сельском хозяйстве, в которых закрепился капитал с момента капитализации земледелия. Процесс насильственной консолидации в капиталистическом хозяйстве превратился в экономическую. Создались общественные условия, при которых землевладелец взимал дань в виде земельной ренты, не выполняя за это никакой социальной производственной функции. Таких общественных условий не было при родовом устройстве, а *следовательно, там не было основы для ренты.* Рикардо не делал различий между капиталистическим обществом и бывшими до него, что показывает, как правильно подметил Оппенгеймер, что он не вполне правильно понимал сущность земельной ренты.

Ошибка, допущенная Рикардо, не может считаться результатом «изолирующей» абстракции, это есть скорей результат английской действительности [1]). В самом деле, население Англии в эпоху Рикардо достигло значительной густоты и быстро увеличивалось количественно. Хлеб со второй половины XVIII столетия непрерывно повышался в цене, поэтому неудивительно,

[1]) «Предложение о переходе от лучших к худшим землям могло произойти только в такой стране, как Англия, где внутри относительно маленькой территории капитал так беспощадно хозяйствовал и действовал по своему усмотрению».
К. Маrх.—«Theorien über den Mehrwert» II, II, 8.

что «более плодородная и более удобно расположенная земля поступит в обработку раньше других» [1]). Это значит: до повышения цен, приблизительно до 1760 г. лучшие земли уже были все забраны, оставались болота, выгоны, пустыри, тяжелые почвы и предгорья. Подъем цен на хлеб заставил пустить под запашки и худшие земли. Были предприняты мелиорации, затрачены были большие капиталы в сельском хозяйстве — словом, английское земледелие пережило полосу сильного оживления. Обработка земель худшего качества повысила издержки производства, что в свою очередь повышало цену хлеба. Получился странный круговорот: высокие цены заставляли обрабатывать худшие участки, а их обработка в свою очередь повышала цену. Так происходило в Англии приблизительно с 1760 до 1815 г.. В этот период произошло сильнейшее увеличение земельных рент. Но до 1760 г. земельная рента тоже существовала, при чем условия увеличения земельной ренты тогда были несколько иные, чем в период жизнедеятельности Рикардо. В своей теории земельной ренты Рикардо периода до 1760 г. не принял во внимание. Узость основания, которое принял Рикардо для теории земельной ренты, вызвало возражение у всех теоретиков, опиравшихся на более широкий фундамент. Кэри считает на основании примера Америки, что самая идея о переходе от лучших к худшим землям не могла бы возникнуть в голове Рикардо, «если бы он потрудился изучить путь, по которому шли древние поселенцы... или, если бы он даже у себя, сидя в кабинете, подумал о том, что богатейшая почва всегда находится на руслах рек, а потому требует значительных усилий, чтобы ее высушить, расчистить и подготовить для человека» [2]).

Подобное же возражение сделал и Родбертус. «Первые поселения следовали совсем другим мотивам, чем принцип наилучшего сочетания земель «Ut fous ut nemus placuit», позднее там, где обет побуждает к постройке монастыря, где рыцарь выстраивал себе на ближайшей горе свой замок и по сотне других причин, но только не по экономическим соображениям» [3]). Маркс также полагает, что «порядок, в

[1]) Рикардо.—«Начала». 38.
[2]) Кэри, 517.
[3]) Родбертус. «К освещению социального вопроса». II и III письмо. перевод Соболева стр. 239.

котором они (земли) подвергаются возделыванию, не зависит ни от их качества, ни от их положения, но лишь от совершенно внешних обстоятельств.... Не может быть ничего нелепее того фантастического представления, как будто бы выбором этого порядка руководил какой-нибудь современный земледельческий химик (вроде, напр., Либиха), отводил известные поля за их химические свойства под культуру, другие исключал» [1]). Диль также признает, что исторически ход развития земельной ренты в рассуждениях Рикардо изображен неправильно [2]).

Несмотря на ошибочность предпосылки Рикардо о переходе к худшим землям для его дифференциальной земельной ренты, она имеет особенно важное значение [3]).

Может быть земля и очень плодородной, но если она везде одного и того же качества, хотя бы она и была в состоянии давать добавочную прибыль, она земельной ренты не могла бы дать. «Одно дело быть способным приносить высокую ренту, и другое дело уже приносить ее» [4]). Чтобы рента могла получаться, как вполне нормальный доход, для этого необходим переход к худшим землям. Рента «всегда будет равняться разности между количествами продукта, полученными при помощи одинакового капитала, с одной и той же земли или с земли различного качества» [5]). При чем Рикардо полагает, что «благодаря последовательному переходу к земле более худого качества или менее выгодно расположенной, рента возрасла бы, на земле, обработанной предварительно» [6]). Следовательно повышение земельной ренты,

[1]) Маркс.—«Капитал». III т. II ч. 1907 г. стр. 299.

[2]) Диль.—«Комментарии». стр. 222.

[3]) Попытки Диля уменьшить значение этого фактора, нельзя считать удачной. Диль.—«Комментарии». стр. 255.

[4]) Рикардо.—«Начала». стр. 278.

[5]) Там же стр. 224.

[6]) Сочинения Д. Рикардо, перев. Зибера, стр. 407.

«Если бы вся земля имела одинаковое свойство, если бы она имелась в неограниченном количестве и была однородна по качеству, то за пользование ею нельзя было бы брать плату... Следовательно, рента платится за пользование землей только потому, что количество земли не беспредельно, а качество ее не одинаково». Рикардо.—«Начала» стр. 36. И дальше... «рента есть разность между количеством продукта, получаемым от последовательного приложения равных долей труда и капитала к земле одного и того же или различного качества... всякая причина уменьшающая разницу в продукте, получаемом от последовательных долей капитала, прилагаемого к той же новой земле имеет тенденцию понижать ренту, а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию повышать ее». Рикардо «Начала», стр. 45.

по Рикардо, необходимо предполагает увеличение разницы в условиях приложения капитала, в земледелии.

Переход к худшим землям был бы не нужен, если бы капитал давал одинаковые результаты на земле при повторных затратах. Но Рикардо забронировал себя с этой стороны, заявив, что «приложение добавочного количества труда дает пропорционально меньший доход» [1]). Рикардо, как бы в противовес Дилю, выставляет два фактора, дополняющих друг друга, которые, не только сослужили роль Мавра в истории — создали разницу и исчезли,— но постоянно продолжают действовать. «Таким образом, ясно, что по мере движения общества вперед, если не существует ввоза, мы постоянно должны прибегать к почвам худшего качества, для доставления продовольствия возрастающему населению» [2]). Уничтожение одного из этих факторов вызывает паралич теории земельной ренты Рикардо. Уравняйте качества всех земель и теория земельной ренты Рикардо отодвигается на непредвиденное время. «Рента не существовала бы вовсе, если бы не подвергалась возделыванию никакая другая земля, кроме приносящей 32 бушеля», т.-е. одинакового качества [3]). Уничтожьте второй фактор и у вас может остановиться действие всей теории земельной ренты.

При определении понятий «худший участок» нельзя впадать, однако, в физиократизм. По Рикардо, худший участок для большей точности можно заменить понятием «худшие условия приложения капитала», на что указывает сам Рикардо в некоторых местах. «В обработке,— говорит Рикардо,— всегда находится земля, совсем не платящая ренты и доставляющая хлеб, цена которого возмещает только заработную плату и прибыль... Но я, надеюсь, достаточно ясно показал, что пока в данной стране еще не вся земля поступила в обработку, пока сельско-хозяйственная культура не достигла в ней самого высокого развития, в ней всегда существует часть капитала, затраченная на землю, которая не приносит ренты... Но необходимо иметь ввиду, что поскольку речь идет о цене сырых произведений и повышении ренты, результаты получаются те же самые, будет ли

[1]) «Начала», стр. 38.

[2]) Сочинения Д. Рикардо, перевод Зибера, стр. 407.

[3]) Сочинения Д. Рикардо стр. 487.

добавочный капитал равных размеров затрачен на новую землю, за которую не платится ренты, или на землю, которая уже находится в обработке, если только количество продуктов, получаемых с обоих участков, будет совершенно одинаково» [1]).

Теперь перейдем к определению земельной ренты, как его дает Рикардо. В разных местах он дает разные определения, их можно разбить на два вида. В самом начале он полагает, что «рента — эта та доля продукта земли, которая уплачивается землевладельцу за пользование первоначальными и неразрушимыми силами почвы» [2]). Подобное определение у Рикардо встречается неоднократно, следовательно, его можно считать не случайным.

Это определение понравилось Дилю, который считает его шедевром ясности и правильности. Для Диля важно утвердить такое определение, которое бы дало возможность вывести ренту из сил природы, «из земли, как таковой» [3]).

Не капитал, в конечном счете, не труд, который прилагается к земле, а сама природа вознаграждает землевладельца дополнительно за его «труды» по реализации права собственности.

Излишне говорить о том, что Диль встал на путь физиократов, неоднократно опровергнутых до Рикардо, и окончательно опровергнутых самим Рикардо. Но Диля это не беспокоит. Опираясь на естественные силы, он считает возможным признать правильной теорию ренты Рикардо и в то же время отвергнуть трудовую теорию стоимости, так как в нее нельзя ввести никакой награды со стороны природы.

Увлекшись своими доказательствами, Диль спутал естественное с экономическим, на недопустимость чего ему

[1]) «Начала», стр. 282, 166, 284; см. также стр. 220, 37, 59, 222. Сочинения Д. Рикардо пер. Зибера, стр. 487; Диль.—«Комментарии», стр. 145

[2]) Рикардо.—«Начала», стр. 34; см. также 35; соч. перевод Зибера, стр. 409 и др.

[3]) Диль.—«Комментарии», стр 177; см. также 175: «Элементарные основания теории ренты предполагают не что иное, как только признание известных неоспоримых законов природы, которые надлежало лишь правильно уяснить с экономической точки зрения, чтобы признать истинность природы ренты... Рикардо достиг величайших результатов именно там, где он выставил экономические положения, правильность которых, попреимуществу, покоится на неопровержимости определенных естественных фактов, это имеет место именно в основных положениях его теории ренты».

указал Гасбах [1]). Диль просто упустил, что рента определяется общественными условиями».

Но по сути дела и с естественной точки зрения это определение Рикардо, поддержанное Дилем, неправильно. Никаких «неразрушимых» свойств почвы не существует, тем более «первобытных». С развитием общества в земле накопляется все больше культурности, рост производительности труда дает возможность с меньшим трудом обрабатывать бо́льшие участки, чем прежде. Любой участок земли накопляет в себе капитал в течение нескольких поколений. Любой участок земли может быть превращен в зависимости от труда и капитала в роскошный сад или в пустырь, заросший бурьяном. Примеры осушенных болот, обводненных пустынь показывают нам насколько современный человек мало считается с «неразрушимыми и первобытными» силами природы. Эти качества так же дело наживное, как и совершенствование машин. Только машины от употребления изнашиваются, а земля от рационального пользования улучшается.

Такой авторитет в вопросах агрономии, как проф. Скворцов, обсуждая вопрос о «неразрушимости» Рикардо полагает, что «плодородие есть временное состояние почвы, которое часто может быть создано или даже всегда должно быть создано.. почва не может быть плодородна вообще, а только по отношению к одному растению или группе растений». Сюда можно прибавить мнение Тюнена, который полагает, «что богатство почвы составляет изменчивую величину и находится более или менее во власти сельского хозяйства» [2]). Родбертус также обратил внимание на этот пункт, полагая, что «разница в естественной силе почвы не есть базис теории поземельной ренты Рикардо» [3]), так как, если предоставить «эти силы исключительно самим себе, то труд человека ограничится завладением и собиранием дикорастущих трав, охотой и рыболовством» [4]). Маслов, приемлющий Рикардо, также не разделяет его определения с введением понятия «неразрушимых» [5]). Оппенгеймер еще

[1]) Hasbax. «Jahrbuch für Gesetz g. Verwalt. und Volksw». 1906, 380.

[2]) Скворцов, стр. 176.

[3]) Родбертус. Там-же, стр. 79.

[4]) Родбертус. Там-же, стр. 247.

[5]) Маслов.—«Аграрный вопрос».I т. 1917 г. 72; см. также 67: «Рассматривая производство с точки зрения развития производительности труда

более резко говорит, что «теория полностью ложна, поскольку она дает теорию земельной ренты, как естественную, которая эту форму дохода хочет вывести не из данных отношений капиталистического хозяйства, как историческую категорию, но для всякого хозяйства, как естественную и вечную категорию» [1]). Маркс также считает, что «земля не имеет никаких неразрушимых сил» и никаких «первоначальных сил», так как земля вообще не представляет ничего первоначального, но является продуктом естественно-исторического прогресса» [2]).

Сам Рикардо в дальнейшем полностью разделяет приведенную цитату Маркса. Он неоднократно указывает, что в ренту превращаются капитальные затраты, произведенные в земледелии, отчего рента увеличивается, так как к естественным силам прибавляется сила капитала. Его уклонение в физиократизм можно объяснить только одним мотивом. Борьба с землевладением была в разгаре, дело дошло до проектов о национализации. Рикардо и определяет земельную ренту, как доход за «неразрушимые» и как результат вложения капитала, вследствие длительности своего действия, слившегося с естественными силами. По первой и второй причине землевладелец не имел ни малейшего права брать доход в виде земельной ренты. Рента являлась простым захватом, ничем не оправдываемым. Желание развенчать землевладельцев могло служить для Рикардо причиной подчеркивания «неразрушимых» сил природы.

Диль, усиленно подчеркивая неудачное определение Рикардо, упоминает о другом только мельком. «От этого точного и строгого понятия ренты, — говорит Диль, — Рикардо отступил» [3]). Диль говорит о том месте, где Рикардо ведет полемику с Мальтусом, где заостренно утончается понятие земельной ренты, а оно гласит следующее: «Рента есть сумма, уплачиваемая землевладельцу за пользование землей и только

человека, мы, разумеется, должны смотреть на естественное плодородие почвы лишь, как на условие, при котором труд производительнее точно также, как он производительнее благодаря улучшенным орудиям производства. С этой точки зрения теряется различие между плодородной почвой, благодаря естественным условиям и благодаря напр., тому, что несколько десятков лет тому назад она искусственно приведена в такое состояние, что сделалась плодородной.

[1]) Oppenheimer.—«Theorie der reinen und politischen Oekonomie». 689.
[2]) K. Marx.—«Theorien über den Mehrwert» II, II, 17.
[3]) Диль.—«Комментарии». 174.

землей» [1]). В другом месте он определяет земельную ренту несколько иначе. «Мальтус весьма правильно определяет поземельную ренту, говорит Рикардо, — как ту часть ценности общего продукта, которая остается владельцу за уплатой всех расходов на обработку земли какого бы то ни было рода, со включением прибыли на употребленный капитал, определенный сообразно обычному или общему уровню прибыли с земледельческого капитала в данное время» [2]). В этих определениях рента обнаруживается наиболее выпукло и наиболее согласованно с другими категориями капиталистического хозяйства. При особо благоприятных условиях на некоторых участках создается больше продуктов с тем же капиталом, с которым на худших получается меньше. Цена же продукта определяется, по Рикардо, издержками производства на худших участках, плюс средняя прибыль. На рынке существует только одна цена для одного сорта хлеба. На лучшей получается, следовательно, прибавочная стоимость, реализуемая, как земельная рента. Она может быть очень различной, в зависимости от условий, в которых прилагается труд. Коль скоро Рикардо этот остаток определяет, как «ценность», то значит он ее выводит из труда, а не из «неразрушимых» качеств почвы.

Рикардо дал и другое подтверждение правильного понимания ренты, в котором он отчетливо устанавливает, что понятие «неразрушимое» берется им, как наслоение естественно-исторического процесса, т.-е. так, как об этом говорит Маркс. Производимые осушение, обводнение, выкорчевка, словом, все, что называется мелиорацией, затем смена систем землепользования — требовали капитала. Но вложенный капитал не использовывался в один год, его действие растягивалось на целый ряд лет, о чем в «Началах» Рикардо заявляет следующее: «Так как часть капитала, раз затраченная на улучшение фермы, неразрывно срастается с землей и увеличивает производительные силы последней, то вознаграждение, уплачиваемое землевладельцу за пользование им, носит вполне характер ренты и подчиняется всем законам ренты» [3]).

[1]) Рикардо.—«Начала», стр. 137.
[2]) Соч. пер. Зибера 404.
[3]) «Начала», стр. 173.

В другом примечании Рикардо еще решительнее подтверждает сделанное заявление: «Всякий капитал, закрепленный в земле с необходимостью превращается, по окончании аренды, в собственность землевладельца, а не арендатора. Какое бы вознаграждение не получил землевладелец, пересдавая опять эту землю, оно примет форму ренты...» [1]).

Мы пришли к правильному определению ренты: «Рента есть цена, которая выплачивается владельцу естественных сил или чистого продукта природы за право использовать эти силы или присвоить этот продукт посредством труда» [2]).

Освободив от плевел чистые семена Рикардо, не столько от плевел самого Рикардо, сколько его комментаторов, вроде Диля или нашего соотечественника Суханова, мы должны установить источник ренты. Рикардо отмечает, что «рента—цена». Раз фигурирует цена, то значит она отображает стоимость. Отсюда вполне естественно задать вопрос, каким образом имеет стоимость предмет, который нельзя создать трудом. Земля же принадлежит именно к категории таких предметов. Отсюда цена земли и ее стоимость есть «категория, которая подобно цене труда иррациональна, так как земля не есть продукт труда, следовательно, не имеет стоимости» [3]). Однако, в капиталистическом обществе имеются отдельные товары, аналогичные потухшим планетам. Как последние светят не своим светом, а отблеском света других планет, так и земля имеет цену не потому, что она имеет стоимость, но она имеет стоимость потому, что имеет цену. В силу особенных условий капиталистического хозяйства, земля впитывает в себя долю общественной стоимости, претворяя ее в форму дохода. Этот капитализированный доход выражается в цене. Поэтому, цена земли есть не более, как капитализированный особый доход земли или рента.

Рикардо, как известно, объяснял ренту только дифференциальностью. Наличие такой ренты может быть допущено благодаря механизму капиталистического обмена. В развитом капиталистическом обществе на каждый товар определенного сорта существует одна цена. С развитием мирового рынка единая цена захватывает не только национальные рынки, но

[1]) Там же, стр. 179.
[2]) К. Marx.--«Theorien ..» II—II, 20.
[3]) Маркс.—«Капитал», III, II, 160.

господствует и на мировом. Наиболее рельефно это проявляется на товарных биржах. Телеграфные нити опутывают весь мир. Со всех уголков земного шара к биржам, как к пауку, тянутся телеграфные нити. Биржевик в любой момент знает цену товаров на всех рынках. Малейшее отклонение—повышение или понижение вызывает с его стороны соответствующие действия.

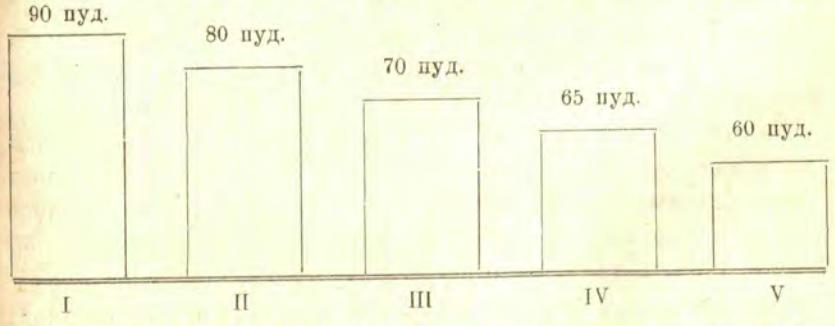
Единая цена не означает еще единых условий производства. Процесс производства, как в промышленности, так и в земледелии, протекает в самых пестрых условиях. Наряду с высоко интенсивными хозяйствами в земледелии, в совершенстве механизированными, мы наблюдаем первобытно-переложную систему и дикое скотоводство.

Различные участки при одной и той же системе землепользования могут давать разную земельную ренту. Например, десятина чернозема в юго-западном крае и та же десятина на подзолах севера не дадут одинаковой ренты.

Худший участок, по Рикардо, не дает земельной ренты, но в то же время худший участок регулирует цену хлеба. Таким образом, земельная рента не является составной частью цены.

Графически дифференциальную ренту Рикардо можно изобразить следующим образом:

При издержках производства в 55 руб. на каждый участок равной величины и при продаже каждого пуда хлеба по 1 руб. на V участке не будет ренты, следующие по качеству лучшие участки будут давать ренту.



При различной производительности труда на пяти вышеприведенных участках, каждый из них приносит различную прибавочную стоимость. Если V худший участок, принося около

9% прибыли, производит хлеб по цене 1 руб. за пуд., то с других участков получается хлеб более дешевый, но продается он не по издержкам производства в 55 руб., плюс средняя прибыль в 5 руб., итого 60 руб., а по более высокой. На всех лучших четырех участках получается сверх средней прибыли добавочная прибыль, которая и попадает в карман землевладельца, в качестве земельной ренты [1]).

Теперь перейдем к рассмотрению того, как понимает Рикардо значение собственности для прохождения ренты.

Основная предпосылка Рикардо покоилась на признании капитализма в сельском хозяйстве. Некапиталистического производства Рикардо не анализировал. При чем он берет капитализм английский с сильно дифференцированными капиталистическими отношениями в земледелии, где, наряду с рабочим, существует отдельно фермер-капиталист и отдельно собственник. Роль землевладельца сводится только к получению земельной ренты. Он только отрицательная величина, положительной величиной он не может стать, так как непроизводительно потребляет получаемую земельную ренту. Паразитизм земельной собственности Рикардо во многих местах отмечает.

В теории земельной ренты Рикардо необходимо присутствие безрентной земли. Но позволительно спросить, если худший участок ренты не дает, значит землевладелец не получает никакого дохода, хотя бы эта земля и отдавалась в аренду? В практике мы знаем, что всякий участок, неизбежно сдается за плату, каждый участок дает доход землевладельцу. Этот факт совершенно необъясним с точки зрения теории Рикардо.

Уже Родбертус обратил внимание на слабость этого пунка Рикардо. «Рикардо имел, — пишет Родбертус, — повидимому, странный взгляд на развитие в стране сельского хозяйства. Он думал, что только поступающая в обработку земля переходит в собственность, а вся невозделанная земля образует бесхозяйственную площадь, на которой каждый земледелец может, по произволу, отыскивать себе следующую по плодородию категорию земли... Напротив того, над всякой страной, заселенной оседлым народом издавна простирается сеть

[1]) Маркс.—«Теория прибавочной стоимости» II, I, 186.

собственности с петлями различной величины, от которых не ускользает ни малейший кусочек невозделанной земли» [1])

«Рента возникает,— пишет Оппенгеймер,— следовательно не в тот момент, как думает Рикардо» [2]), а значительно раньше.

Однако, думается, что ни Оппенгеймер, ни Родбертус все-таки не правы. Рикардо знает, что земля находится в собственности, но его занимает вопрос: имеется ли экономический источник земельной ренты на худших землях? Маркс, как бы в дополнение к Рикардо, поясняет, что могут встречаться такие участки земли, на которых не только ренты, но и прибыли получить невозможно. Правда, по закону капиталистической конкуренции, такой участок выбывает совсем из сферы производства. Рикардо, признавая только дифференциальную ренту, имеет в этом вопросе ясную позицию. Он разбирает вопрос о собственности на землю только в момент совпадения собственности с появлением дифференциальной земельной ренты. Если последней не имеется, то собственность на землю не может быть реализована в виде рентного дохода, т.-е. «земельная рента здесь есть та экономическая форма, в которой экономически реализуется земельная собственность» [3]). Если землевладелец захочет сам обработать землю, не дающую ренты, то он будет вынужден удовлетвориться только средней прибылью, никакой ренты он не получит. Следовательно, рента появляется в тот момент, когда лучшие участки оказываются в монопольном положении, поэтому Рикардо и пишет: «я считаю ренту всегда результатом частичной монополии» [4]). Остальная земля, худшая по качеству, хотя и находится в собственности, но имеется, сравнительно, в неограниченном количестве, так как худшей земли имеется по отношению к общественной потребности больше, чем нужно в данный момент.

Наряду с различием плодородия, Рикардо вводит момент ограниченности и частной собственности для объяснения земельной ренты. «Если бы воздух, вода, упругость пара и давление атмосферы были неоднородны по своим качествам,

[1]) Родбертус, стр. 230.
[2]) Oppenheimer.—«Theorie der reinen und polit. Oekon». 699.
[3]) Маркс.—«капитал». III, II, 155.
[4]) Oppenheimer.—«Theorie der reinen und polit. Oek». 421.

если бы они могли быть обращены в собственность, и каждый разряд имелся бы только в ограниченном количестве, то они, подобно земле, давали бы ренту, по мере обращения к низшим разрядам» [1]).

После этой цитаты нельзя сказать, что, по Рикардо, земельная собственность не причастна к созданию земельной ренты. Владение землей признается одним из трех факторов, образующих земельную ренту, при чем таким, который поглощает в некоторых случаях второй фактор — ограниченность.

Чтобы наглядно убедиться в том, что Рикардо считает земельную собственность одним из факторов, образующих ренту, притом наиболее важным, мы укажем на самое начало второй главы «Начал». В ней с первых же строк он задает вопрос: «не вызывает ли обращение земли в собственность и следующее за ним создание ренты (разрядка моя Г. Г.) какого-либо изменения в относительной стоимости товаров» [1]). Первым актом здесь предполагается обращение земли в собственность и только после этого, как следствие обращения земли в собственность, появляется земельная рента.

Здесь Рикардо, по существу, обронил мысль, которая опрокидывает все хитросплетения Диля и указывает, что Родбертус был со своим «повидимому» не прав. Рикардо не проанализировал генезиса ренты, но значение собственности для образования земельной ренты в капиталистическом хозяйстве у него установлено ясно и не вызывает сомнения.

Собственность обусловливает ренту. Но каким образом? Капиталистическое производство предполагает среднюю прибыль. Между различными отраслями производства происходит постоянное уравнение прибылей с капиталов. Тем не менее, в отдельные моменты в предприятиях существуют отклонения от средней прибыли, а в земледелии создался специальный вид нетрудового дохода.

«Существуют сферы производства, в которых известные естественные средства производства, как например, пахотная земля, залежи угля, железные копи, падение воды и т. д., без которых процесс производства не может совершаться, без которых не может быть произведен товар данной сферы,

[1]) Рикардо.—«Начала», стр. 40.

принадлежат не собственникам или владельцам овеществленного труда, капиталистам, а другим людям» [1]).

Нормальный капиталистический процесс имеет дело с двумя агентами, без которых немыслимо капиталистическое производство — с капиталистом и рабочим. Совершенно не обязательно, даже излишне, участие землевладельца... Но последний владеет средствами производства — землей, рудниками, — без которых не может идти процесс производства, владеет ими монопольно (по Рикардо,— «частичная монополия»). Капиталист не может произвести землю, рудники, водопады и т. д.. Он должен пользоваться наличным даром природы. Но все под капиталистическим солнышком захвачено землевладельцами. Каждый землевладелец требует плату за разрешение пользоваться силами природы. «Как твоя собственность, — говорит землевладелец капиталисту, — на одно средство производства — капитал, овеществленный труд — делает для тебя возможным присваивать себе у рабочих определенное количество неоплаченного труда, так моя собственность на другие средства производства, землю и т. д. дает мне возможность захватывать у тебя и всего класса капиталистов часть неоплаченного труда, являющуюся излишком над твоей средней прибылью» [2]).

Отсюда ясно, что земельная собственность не источник сама по себе той части прибавочной стоимости, которая превращается в земельную ренту. Земельная собственность не источник стоимости, стоимость создает только труд. В этом смысле правильно замечание, что часть прибавочной стоимости, превращаемая в земельную ренту, не зависит от собственности, а только от труда, потраченного на производство того или другого товара.

Однако, замечание Диля, носит другой характер. Он полагает, что, по Рикардо, собственность вообще не причастна

[1]) Маркс.—«Теории» стр. II, I, 145.

[2]) Маркс.—«Теории» II, 1, 146. Здесь можно привести другое, не менее выпуклое, заявление Маркса: «Частная собственность определенных лиц на землю, копи, воды и т. д. дает им возможность захватывать, перехватывать, отхватывать излишек, содержащийся в товарах этой особой сферы производства, этого особого приложения капитала прибавочной стоимости, над прибылью, средней прибылью, над нормой прибыли, определяемой всеобщей нормой прибыли, дает возможность помешать излишку войти во всеобщий процесс, при производстве которого создается и образуется всеобщая норма прибыли». Там же, стр. 142.

к созданию земельной ренты. Это уже не от Рикардо. В земледелии производится добавочная прибыль, но она может пойти или в общий капиталистический котел и там, выравнявшись в среднюю прибыль, распределиться по карманам капиталистов, или она попадает в карман землевладельцев. «Земельная собственность — причина не создания этой добавочной прибыли, а ее превращения в форму земельной ренты»[1]). «Юридический титул собственности сам по себе бесценен, он получает свое хозяйственное содержание через естественное образование цены»[2]).

Право землевладельца выливается в экономическую форму — форму дохода. Право владения может быть продано, заложено и т. д., в этих актах оно фигурирует, как стоимость земли, но сама стоимость земли не более, как капитализированная земельная рента, т.-е. право перехватывания добавочной прибыли землевладельцем.

Можно доказывать, что земельная рента не зависит от владения, но ссылаться при этом на Рикардо, его приглашать в свидетели своей правоты — это будет верхом непонимания его учения о ренте. Обычно приводится в таких случаях одна цитата Рикардо, где он говорит: «вполне справедливо, поэтому, было замечено, что цена хлеба нисколько не понизилась бы, если бы землевладельцы отказались от всей своей ренты. Это только позволило бы некоторым фермерам жить по-барски, но не уменьшило бы количества труда, необходимого для получения сырых произведений с наименее производительной земли, находящейся под обработкой»[3]). Все комментаторы с радостью ухватываются за эту цитату. Обычная аргументация сводится к тому, что вот де, сам, Рикардо считает земельную ренту не связанной с земельной собственностью, так как, даже при отказе от собственности, земельная рента продолжает существовать. Подобные соображения представляют поверхностную вульгаризацию его учения.

По существу же дело сводится к следующему. Капиталистическое общество без собственности существовать не может, так как, если бы каждый человек свободно мог

[1]) Маркс,—«Капитал» III, II. 184.
[2]) Oppenheimer.—«Rodbertus», 43.
[3]) «Начала», 39.

занимать землю, обладал бы средствами производства, то никакого капитализма и не было бы. Никто бы не принудил рабочего идти в кабалу к капиталисту, раз он мог бы просуществовать помимо него. Захват в собственность земли является важнейшей предпосылкой капиталистического строя. Поэтому, случай Рикардо с отказавшимися землевладельцами приводит к тому, что роль собственников, т.-е. перехватывателей земельной ренты будут выполнять фермеры. Получив ренту, вместо прежних владельцев, фермеры естественно будут барствовать и не больше. Право собственности не уничтожается, а передается только другим лицам. И больше ничего.

Здесь можно поднять вопрос. Не может ли уничтожиться дифференциальная рента в капиталистическом обществе. В ответ на этот вопрос могут быть приведены две возможности. Земля может быть национализирована, место земельных собственников займет государство. При правильном ведении хозяйства, оно будет получать этот доход в кассу казначейства. Земля может быть передана в пользование мелким производителям. Снова, коль скоро мелкие производители выступают на рынке, как продавцы товара, они будут присваивать и земельную ренту, т. к. принцип дифференциальности в условиях производства останется. В данном случае говорится только о дифференциальной ренте.

Рента крепко связана с капиталистическим производством и может уничтожиться только с заменой капитализма другим строем[1]).

Говоря о росте урожаев и понижающем влиянии их на ренту, Рикардо приходит к выводу, что урожаи — благодеяние для широких масс и крайне невыгодны землевладельцам. «Если бы все, что они производили, предназначалось для их собственного потребления, то изобилие никогда не могло бы быть для них вредно». И дальше. «Если бы мы жили в одном из параллелограмов Оуэна и пользовались всеми нашими продуктами сообща, то никто не стал бы страдать от изобилия»[2]). Первый и второй примеры предполагают отсутствие капитализма. Первый случай говорит о простых

[1]) См. Ленин.—«Аграрный вопрос», стр. 174 — 175, также К. Marx.—«Theorien über den Mehrwert» II, 11—90.
[2]) Сочинения Д. Рикардо пер. Зибера, стр. 495.

до-капиталистических производителях, второй — об ассоциации после-капиталистической. При ассоциации имеется возможность двояко избежать дифференциальной земельной ренты. Первое это уничтожение вообще всех категорий капиталистического хозяйства, в том числе и земельной ренты, но естественный базис дифференциальной ренты остается не тронутым. Второе это уничтожение самого естественного базиса. Научное применение химии, изучение геологии, а особенно физиологии растений, соединенное с разделением труда, даст возможность свести на нет все естественные различия. Они будут подчинены власти производителей [1]). Словом, условия труда на различных участках будут уравнены.

---

[1]) К. Маркс.— «Нищета философии» пер. Алексеевой. — 1905 г. стр. 119.

Абсолютная рента.

Учение о земельной ренте Рикардо нашло свое гениальное завершение в трудах Маркса. Многие проблемы у Рикардо были только намечены, он на них не останавливался, он их не исследовал. В том числе и теории земельной ренты, благодаря некоторым неправильным допущениям, он не развил полностью. У Маркса наряду с дифференциальной существует и абсолютная рента, которая особенно выпукло отмечает значение землевладения для земельной ренты. Здесь «сама земельная собственность создала ренту»[1]). Для нас важно установить не было ли у Маркса в учении об абсолютной ренте преемственности от Рикардо, Для дифференциальной ренты сам Маркс признает свою преемственность от Рикардо[2]), поскольку мы касаемся одного возможного случая в земледелии, который у Рикардо составлял сущность дифференциальной земельной ренты. Диль также констатирует «глубокое принципиальное единомыслие между Марксом и Рикардо относительно общей характеристики дифференциальной ренты — притом в обеих ее формах»[3]). Подобное мнение существует и в социалистической литературе[4]). Относительно другого вида ренты — абсолютной, говорит Диль, «между Марксом и Рикардо обнаруживается глубокое разномыслие»[5]). Посмотрим, насколько Диль прав в своем утверждении. Совсем ли Рикардо не признавал абсолютной ренты или только частично? При чем, сам Диль, комментируя Рикардо, допускает, что абсолютная рента могла бы возникнуть у последнего только с обращением всей земли в исключительное

---

1) К. Маркс, «Капитал», III, II, стр. 284.
2) Маркс, «Капитал», III, II, 185.
3) Диль,—«Комментарии». 254.
4) Конштедт,—«Аграрный вопрос». 1907 г. 11.
5) Диль, стр. 260.

монопольное владение. Это тот «случай, на котором Рикардо останавливается очень кратко»[1]).

Правда, за такое допущение на Диля обрушивается Оппенгеймер, правильно считая, что Диль не имел ни малейшего основания делать подобные выводы, так как об этой предпосылке Рикардо в своих письмах, не говоря уже о «Началах», «не оставил ни одного слова»[2]).

Чтобы решить вопрос, поставленный Дилем и Оппенгеймером, необходимо обратиться к системе Рикардо в целом. В своей системе, помимо задачи выяснить влияние землевладения на прогресс общества, Рикардо задавался другим, не менее важным, вопросом: «Не вызывает ли обращение земли в собственность и, следующее за ним создание ренты, какого-либо изменения в относительной стоимости товаров, независимо от количества труда, необходимого для производства»[3]). Этот мотив он повторяет в письме к Сэю: «Что мы желаем узнать, так это общий закон, регулирующий ценность хлеба сравнительно с ценностью прочих предметов»[4]). Рикардо создал стройную систему, фундаментом которой была трудовая стоимость. Рента в числе прочих категорий упиралась в нее. Закон трудовой стоимости правилен в основе, но Рикардо, прилаживая к нему все другие категории, подчас насилует их вплоть до несоответствия с действительностью. Сам закон трудовой стоимости у него не дифференцирован. Рикардо не знает ни рыночной стоимости, ни цен производства. Он полагает, что обмен производится по стоимости без всяких посредствующих звеньев. Если хлеб будет продаваться дешевле или дороже стоимости, как обычное явление, то закон стоимости будет нарушен, чего не допускал Рикардо. На основании учения о соотношении цен и трудовой стоимости Рикардо мог допустить только дифференциальную земельную ренту, при которой цена хлеба регулируется трудом, затраченным на худшем участке.

Ради того, что товар должен продаваться по стоимости, худший участок не может давать ренты. Худший участок, как общее правило, не может продавать свой продукт

[1]) Диль, стр. 141.
[2]) Oppenheimer,—«Rodbertus». 30, 32.
[3]) «Начала», стр. 34.
[4]) Диль,—«Комментарии». 147

дешевле издержек производства, плюс средняя прибыль, так как тогда в капиталистических условиях участок не мог бы обрабатываться. «В обработке всегда находится земля,—говорит Рикардо,—совсем не платящая ренты и доставляющая хлеб, цена которого возмещает заработную плату и прибыль»[1]).

Однако, в земледелии могут быть и такие случаи, когда капитал, затраченный при худших условиях, будет давать земельную ренту.

Развитие народного хозяйства представлялось Рикардо происходящим таким образом, что землевладение будет собирать все бо̀льшую дань с общества. А это, в свою очередь, происходит потому, что размножается население, отчего увеличивается площадь обрабатываемых земель. Придется вкладывать все больше капиталов и труда для производства сырых продуктов, но эффекта будет получаться меньше сравнительно с прежними затратами. Наступит момент, когда земля будет вся обработана, дальше расширяться будет некуда; тогда землевладельцы окажутся в монопольном положении. Хлеба будет меньше, чем имеющаяся в нем потребность[2]). Тогда возможны монопольные цены. Вот что об этом говорит сам Рикардо. «Конечно, хлеб и другие произведения страны иногда могут продаваться по монопольным ценам, но это может длиться долго лишь тогда, когда уже нельзя больше затратить производительно новый капитал на обработку земли, и когда, следовательно, количество сырых произведений не может быть увеличено. В такую эпоху каждый участок земли, находящийся в обработке, и каждая часть капитала, вложенная в землю, будет доставлять ренту, которая будет различаться пропорционально разнице количества получаемого продукта»[3]).

[1]) «Начала», стр. 282. Там же, стр. 275. Нельзя сказать, что «непосредственной причиной ренты очевидно является излишек цены над издержками производства, цены, по которой сырые произведения сбываются на рынке, так как именно этот излишек и составляет ренту».
[2]) Милль.—«Осн. пол. эк.», 1865 г.; 235. «Напрасно говорить, что с каждым желудком, производимым на свет в размножающемся населении, рождаются и руки. Новые желудки требуют столько же пищи, как и прежние, а руки производят меньше.
[3]) «Начала», стр. 165. Смотри об этом: Маркс.—«Капитал», III, II. 293. «Во всяком случае эта абсолютная, возникающая из излишка в стоимости над ценой производства, рента есть просто часть земледельческой прибавочной стоимости — превращение этой прибавочной стоимости в ренту, уловление ее земельным собственником; совершенно

Однако, эта земельная рента не будет иметь ничего общего с абсолютной. В приведенной цитате Рикардо монопольная рента появляется потому, что продукт сделался редким, он не достаточен, чтобы удовлетворить спрос [1]). Закон стоимости здесь нарушается. Цена определяется платежеспособностью потребителя, а не трудом, потраченным на его производство. В таких случаях продукт земли расценивается по категории «редких» предметов. Здесь нет свободного воспроизводства. Следовательно, Рикардо переходит от дифференциальной земельной ренты к монопольной, минуя абсолютную.

Монопольное положение в земледелии представлялось возможным Рикардо только в отдаленном будущем. Возражая против утверждения, что в его время всякий участок давал ренту, он пишет: «может ли Буханан серьезно утверждать, что количество продуктов земли не может быть увеличено, если спрос возрастает» [2]).

Английский капитал настолько сильно увеличил производительность труда в своем земледелии, что мог кормить во время войны и блокады почти все свое население. Рикардо верил в эластичность и легкую приспособляемость в связи с этим земледелия к спросу. Предел, о котором говорил Рикардо, рисовался ему очень отдаленным для современной ему Англии.

Таким образом, Рикардо допускал только два вида ренты: дифференциальную и монопольную. Первая реально существовала и проявлялась в распределении национального дохода, вторая допускалась, как возможная в далеком будущем. Абсолютной ренте в системе Рикардо места нет [3]).

так же, как дифференциальная рента возникает из превращения добавочной прибыли в ренту, из уловления первой земельной собственностью при общей регулирующей цене производства. Эти две формы ренты суть единственно нормальные. Рента, кроме этих форм, может лишь покоиться на собственно монопольной цене, которая определяется не ценой производства и не стоимостью товара, но потребностью и платежеспособностью покупателей . . . . ».

[1]) «Начала», стр. 164.

[2]) Там же, стр. 166, примечание.

[3]) Маркс.—«Теории», II, I. 229. Рикардо оставляет без внимания вопрос об абсолютной ренте, которую он отрицает ради теории, потому что он исходит из неверной предпосылки, будто бы, если ценность товаров определяется рабочим временем, то цены производства товаров должны быть равны их ценности».

K. Marx.—«Theorien über den Mehrwert». II, II. 176. «Не существует (у Рикардо) никакой абсолютной ренты потому, что стоимость и цены производства вообще идентичны, как в индустрии, так и в земледелии».

Закон убывающего плодородия.

«Политическую экономию можно превратить в положительную науку только таким путем, что на место враждующих теорий ставят враждующие факты и действительные противоречия, образующие скрытую основу первых».

Из письма Маркса к Энгельсу. Письма 155.

Составной частью учения о дифференциальной земельной ренте Рикардо является закон убывающего плодородия, получивший широкое распространение благодаря своей специфически социальной пригодности. Рикардо полагал, что в каждом развивающемся обществе население увеличивается. Рост населения вызывает увеличение производства земледельческих продуктов. «Более плодородные, более удобно расположенные земли» [1]) всегда поступают в обработку первыми. С расширением запашек за ними следуют менее плодородные земли. «Эта необходимость обращаться к обработке земель худшего качества является причиной возрастания ренты» [2]). Получается положение, при котором человек «в поте лица своего будет трудиться все больше, а природа станет давать относительно все меньше» [3]). Затраты человеческой энергии идут все в нарастающем темпе, а производительность труда, по отношению к этим затратам,— в убывающем темпе. Эта коллизия между трудом и природой с прогрессом общества все усугубляется.

Капитал, прикосновение которого, оживляя пустыни, создает громадные промышленные центры, должен был бы устранить рабскую зависимость человека от природы. Оказывается, в земледелии капитал бессилен. Равные затраты капитала

---

[1]) «Начала», стр. 38.

[2]) Там же, стр. 277.

[3]) Тем же, стр. 40.

не дают одинаковых результатов, если они затрачиваются последовательно на одну и ту же землю. Всякая последующая затрата капитала будет давать меньше эффекта, чем предыдущая. «Если бы капитал можно было беспредельно прилагать к старой земле без уменьшения выручки, то рента не могла бы и возникнуть» [1].

Против этой основной тенденции народного хозяйства общество применяет технические улучшения, которые позволяют нам «возделывать худшие земли с меньшим трудом» [2]. Следовательно, «при прогрессивном движении общества существуют две противоположные причины, действующие на ценность хлеба» [3],— ухудшение условий добывания сырых произведений и облегчение. Разница между ними состоит, по Рикардо, в том, что причины, затрудняющие добывание пищи, действуют постоянно, а причины, облегчающие и удешевляющие стоимость хлеба, спорадически [4]. Даже, если бы улучшения действовали непрерывно, они не смогли бы парализовать постоянной тенденции народного хозяйства, действующей подобно закону тяготения. Всякое улучшение дает возможность размножаться населению, почему через некоторый промежуток времени задержанное действие тенденции снова вступит в силу [5].

Закон убывающего плодородия послужил опорным пунктом для теорий целого ряда буржуазных ученых. Ревизия Маркса мелко буржуазными социалистами не обошлась без принятия этого пункта. Поэтому, нам необходимо особенно тщательно проанализировать, как учение самого Рикардо об этом законе, так и теоретиков после него. Если при Рикардо можно было найти факты, подтверждающие закон убывающего плодородия, так как его время приходилось на период затишья в прогрессе земледелия при одновременном сильном развитии промышленности, то у последователей Рикардо в этом вопросе это оправдание отсутствовало.

Сам Рикардо начал сознавать, что он слишком переоценил закон убывающего плодородия. В письме к Мальтусу он заметил: «усовершенствования в сельском хозяйстве, думается мне,

1) «Начала», стр. 38.
2) Там же, стр. 44.
3) «Сочинения», пер. Зибера, стр. 505.
4) Там же, 412.
5) «Начала», стр. 44.

имели на поддержание низкого уровня ренты больше влияния, чем когда-либо мы полагали» [1]. Логически доводя закон до конца, можно дойти до того, что никакой земледельческий труд уже не будет производить прибавочной стоимости — этой основы как прибыли, так и земельной ренты. Прибавочная стоимость, создаваемая промышленностью, тоже будет поглощена владельцем земли посредством повышения цен на хлеб.

1) Диль.— «Комментарий», 273.

Закон убывающего плодородия у последователей Рикардо.

После Рикардо закон убывающего плодородия нашел истолкование у Д. С. Милля, который жил в совершенно других условиях по сравнению с Рикардо. Улучшения в земледелии при нем производились в таком большом количестве, что они вызвали падение цен, без падения ренты. Это Милль признавал. «В течение последних 20-ти или 30-ти лет,—пишет он,—расширение усовершенствованных процессов в земледелии шло так быстро, что земля дает теперь пропорционально употребляемому труду даже больше продукта, чем прежде, в среднем цена хлеба значительно понизилась» [1]). Но все же, он полагал, что, как общее правило, «каждое возрастание продукта достигается более чем пропорциональным возрастанием в приложении труда к земле. Это общий закон земледельческой промышленности» [2]). Связать логически первое и второе положение Милля совершенно невозможно. Оговорка, что понижение цен хлеба имело место только в его время, а в последующем должно смениться повышением цен, опровергнута на протяжении всего XIX столетия. Последователи закона после Милля присутствовали при значительно большем понижении цен на хлеб, несмотря на это тенденция относительного понижения производительности труда, частично проявившаяся в течение двух-трех десятков лет при Рикардо, а затем в течение всего XIX столетия отсутствовавшая, кладется в основу развития народного хозяйства. Если бы Милль в своей теории руководился фактами, то ему пришлось бы класть в основу развития сельско-хозяйственный рост производительности труда и связанное с этим понижение цен на хлеб и, как отдельные редкие и непродолжительные отступления

[1]) Д. С. Милль. 237.
[2]) Д. С. Милль, 221.

от этого основного закона,—понижение производительности труда.

Теория, противоречившая фактам, нужна была апологетам капиталистического строя затем, чтобы разрядить сгущенную социальную атмосферу. Последнее казалось возможным при условии затушевывания законов капиталистического распределения. Преследуя подобного рода цель, Милль заявляет: «скупость природы, а не общественная несправедливость служат причиной страданий, постигающих нацию при излишестве населения» [1]), так как «напрасно говорить, что с каждым желудком, производимым на свет в размножающемся населении рождаются и руки. Новые желудки требуют столько же пищи, как и прежние, а руки производят меньше» [2]).

Здесь Милль, как и Мальтус, подменяет трудность распределения общественного богатства в капиталистическом обществе трудностью добывания средств пропитания. Ведь в самом деле,—говорит Милль,—«если бы закон этот не был таков, почти все феномены производства и распределения богатства были бы не таковы, как теперь». Неудивительно, что задача социального умиротворения затемнила и притупила теоретический анализ Милля и привела его к еще большим ошибкам, чем Рикардо.

В дальнейшем перейдем к Дилю, который не мало потрудился над задачей подведения под экономическую категорию—земельную ренту—естественного фундамента, чтобы тем самым лишить ее социального содержания, превратить во внеисторическую категорию и вернуть после-марксовскую теоретическую экономию к физиократам. Земельная рента особенно ценна ему именно возможностью заменить общественные отношения силами природы. Силы природы подвержены действию не социальных законов, они менее изменчивы, чем социальные законы. Общественные бедствия, вызванные силами природы, не могут служить источником классовой борьбы. Все современные бедствия—трудность существования пролетарских масс—имеют основной закон убывающего плодородия, а не законы капиталистического распределения. Поэтому, Диль прежде всего возвещает, что закон убывающего плодородия—бесспорный закон природы, а именно: «каждой земле

1) Д. С. Милль, 235.
2) Там же, 235.

положен предел, начиная с которого, все дальнейшие затраты труда и капитала не в состоянии более в такой степени, как прежде, увеличивать урожая» [1]). По этой причине классовая борьба должна замениться борьбой с природой. Начало XX-го века, конечно, не может быть сравнено с началом XIX столетия. Прогресс сельского хозяйства на континенте, в Германии в частности, шагнул так далеко, что весь закон убывающего плодородия полетел прахом. Не обратить на прогресс внимания Диль не мог. Подаваясь под напором фактов, он вводит некоторое ограничение в закон, заявляя: «практическое значение закона убывающего плодородия» в значительной степени ограничивается тем именно, что благодаря переменам систем культуры, плодородие одного и того же участка земли может испытать весьма значительные изменения» [2]). Эти «значительные» изменения закона, настолько значительны, что они сводят на нет самый закон. Дилю осталось сохранить хотя бы видимость целостности и неизменности закона. С этой целью он привлекает себе на помощь агрономов, решительно смешивая технику с экономикой. Он цитирует Штуцера, Вагнера, Меркера и Волли, все выводы которых сводятся к тому, что, при данном состоянии технических знаний, в земледелии мыслится известный предел для вложения капитала, за которым начинается быстрое уменьшение производительности затраченных долей капитала [3]).

Теоретически против этого положения ничего возразить нельзя. Такие же точно пределы ставятся в каждой из отраслей промышленности. Нас интересует здесь не техническая сторона, и напрасно Диль увлекает нас на этот путь. Нам важно теоретически осмыслить, имеет ли экономическое значение тот технический «предел», который теоретически установлен агрономами [4]). Ответ на этот вопрос дает сам Диль, когда он заявляет, что одними только переменами систем хозяйства, не говоря о других мерах воздействия на землю, достигается паралич закона. Если мы расшифруем, что обозначает «значительное изменение», то окажется, что в течение всего XIX века производительность труда в земледелии так

1) Диль.—«Комментарии».
2) Там же, 195.
3) Смотри об этом: «Аграрный вопрос». Косинский; стр. 4—25.
4) Суханов.—«Очерки по экономии сельского хозяйства», 1924 г. I гл.

возрастала, что ни о каком проявлении закона говорить не приходится.

Что касается ревизионистов всех рангов, то их можно объединить на Маслове. По сути дела их теория не отличается от изложенной точки зрения Диля на закон убывающего плодородия. Но они целый ряд положений доводят до геркулесовых столбов плоскости и некритичности.

Маслов считает, что «увеличение затраты капитала и труда без увеличения площади земли делает труд менее производительным; это обусловливается особенностью земледелия, в развитии которого до настоящего времени мы можем констатировать факт падения производительности последовательных затрат капиталов и труда» [1]).

Здесь сразу заключены и убывающее плодородие и своеобразность земледелия в отличие от промышленности. В доказательство этих обоих положений, Маслов заявляет: «Почему в районе дикого скотоводства, наприм., в Аргентине, не содержат скота в стойлах и не кормят посеянными травами, отрубями и жмыхами» [2]).

Маслов настолько уверен в своей правоте, что заявляет: «экономисты, которые не признают факта падения производительности последовательных затрат труда на ту же площадь земли, должны найти затраты труда на ту же площадь меньше нуля, т.-е. должны утверждать нелепость» [3]). Это заявление относится к сравнению кочевого скотоводного хозяйства с современным рациональным скотоводством, со стойловым кормлением. В увлечении законом Маслов извращает фактическую сторону дела. Он сравнивает интенсивное хозяйство с почти диким, где, конечно, затрата труда на единицу площади значительно меньше, чем в интенсивных современных хозяйствах. Чтобы обосновать закон, он к верному утверждению прибавляет, что в интенсивном хозяйстве труд относительно производит меньше, из-за сравнительно меньшей производительности последовательных затрат капитала в земледелии. Но этого в действительности нет Мы знаем обратное, что районы интенсивного хозяйства всегда производят хлеб более дешевый, чем районы экстенсивные, что доказали Диль для

1) Маслов.—«Аграрный вопрос». 1917 г. I т. 44.
2) Там же, 47.
3) Там же, 47.

Германии, а Скворцов для России. Еще более доказательств против закона заключают в себе данные из истории сельского хозяйства Германии [1]). Следовательно, постановка вопроса у Маслова, отнюдь не укрепляет его позицию, а только указывает на отсутствие у него правильного освещения фактов. В его трактовке закон убывающего плодородия не разъяснился, а, наоборот, сделал шаг назад по сравнению с Рикардо.

Современные последователи закона и учения о своеобразии земледелия, обычно стараются ссылаться на Рикардо. Не редко при этом Рикардо так интерпретируется, что он превращается из противника землевладельцев в сторонника частного владения землей.

Самое название закона «убывающего плодородия» не подходит к учению Рикардо. Последний неоднократно критиковал Смита за его отклонение в физиократизм. Земля, по его учению, не более, как машина разной производительности. Нельзя даже обсуждать, с экономической точки зрения, вопроса о падающем или повышающемся плодородии, а только о доходности капитала, так как плодородие может быть большое, но доходность участка низкой. Плодородие это естественный признак. Доходность — категория экономическая, она зависит от социальных условий. Может случиться, что лучшая земля залужается, вместо пашни, из-за малодоходности, наприм., в Англии во второй половине XIX-го столетия.

Рикардо сам сознавал недостаточность одного плодородия, в дополнение он вводил, как фактор, влияющий на доходность, расположение участка. Если участок расположен около места крупного спроса, примерно, земля около города, то тем самым влияние плодородия отодвигается на второй план, если не полностью устраняется. Линии плодородия и расположения перекрещиваются так, что подчас парализуют друг друга. Рикардо, говоря о последовательности занятия различных земель, считает, что будет заниматься земля «более плодородная и более удобно расположенная» [2]).

Следовательно, можно говорить, не искажая Рикардо, о доходности, а не о плодородии вообще. «Если бы капитал,—

1) F. Christoph.—«Landwirtschaft und Industry». Schapper. Hannover 1918; S. 8—9.

2) Рикардо.—«Начала», стр. 38.

говорит Рикардо,—можно было бы беспредельно прилагать к старой земле без уменьшения выручки, то рента не могла бы возникнуть, потому что рента неизменно происходит от того, что предложение добавочного количества труда дает пропорционально меньший доход» [1]).

Роль закона убывающего плодородия у Рикардо не была такой самодовлеющей, как у его истолкователей. Это было не больше, не меньше, как одно из доказательств существования дифференциальной ренты, при чем не самое главное. Давая анализ земельной ренты, он ставил пред собой одну задачу: проверить закон трудовой стоимости. В свою очередь, последний закон формулирован для того, чтобы проследить распределение дохода в капиталистическом обществе. Заработную плату, прибыль и процент Рикардо считал вполне нормальными и правомерными категориями. Высокая заработная плата служила показателем благосостояния рабочего класса и общества. Высокая прибыль тоже свидетельствовала о благополучии общества. Совершенно противоположное наблюдалось и наблюдается с доходом от земли — земельной рентой. Земельная рента является не больше, как захватом, ничем неоправдываемым доходом в капиталистическом обществе. При чем, с развитием капиталистического общества, рентный доход постепенно будет все больше поглощать остальные доходы. Такое положение Рикардо устанавливает путем теории земельной ренты. Он твердо констатирует, что рента берется из общего источника — стоимости. Поскольку Рикардо считал капиталистическое общество верхом достижения человечества, поскольку он был горячим его сторонником, постольку он не остался в стороне от спора между лэндлордами и буржуазией. По его теории выходило, что капиталистическое общество придет к упадку из-за увеличения ренты, поэтому он со всей силой своей критики обрушился на землевладельцев. Его теории нужны были ему, чтобы укрепить позицию капиталистов в борьбе с феодалами. «Закон» падающей производительности заключает в себе, более чем какой либой другой пункт его теории, элементы социальной борьбы. Может быть, Рикардо отнесся так не критически к закону, который он воспринял от Мальтуса, потому,

1) Рикардо.—«Начала», стр. 38.

что он давал в руки сильное оружие против землевладельцев.

Его последователи превратили закон убывающего плодородия из средства борьбы с землевладельцем в крепкую защиту последнего. Невольно припоминается в связи с этим горячая тирада молодого Энгельса: «Чем больше приближаются экономисты к современности, тем дальше удаляются они от честности. С каждым прогрессом нашего времени *необходимо усиливается софистическое мудрствование*, чтобы удержать экономию на уровне века» [1]).

Относительно другой тенденции народного хозяйства,— улучшений, увеличивающих производительность труда, Рикардо, как мы уже говорили, не держится правильного мнения. У него можно найти три возможности: во первых, существуют две противоположные тенденции в капиталистическом обществе. «Иногда преобладает из них одна, иногда другая и, соответственно этому, ценность хлеба возвышается или падает» [2]). Во-вторых, временно улучшение действует так сильно, что «понижает меновую стоимость хлеба, а от этого понижается и рента» [3]).

Развитие производительности труда «позволяет нам возделывать худшие земли с меньшим трудом» [4]). В-третьих, когда прогресс в земледелии не поспевает за ростом земледелия, тогда приходится переходить и на худшие земли, которые увеличивают издержки производства.

Самое существование этих трех указаний у Рикардо говорит за то, что он совсем не ставил проблему роста или падения производительности земледельческого труда самого по себе, хотя он безусловно признавал тенденцию падения производительности. В конце своей жизни он, однако, с

1) К. Маркс и Фр. Энгельс.— «Литературное наследство». I т. 1907 г., стр. 384.

2) Рикардо.— «Сочинения». Пер. Зибера, стр. 505.

3) «Начала», стр. 43.

4) Там же стр. 44; см. там же, стр. 43: «Несомненно, верно, что падение относительной цены сырья вследствие улучшения в земледелии или, лучше сказать, вследствие того, что меньше труда будет затрачиваться на их производство, естественно приведет к увеличению накопления, потому что прибыль на капитал значительно увеличится. Это положение приведет к увеличению спроса на труд, повышению заработной платы, увеличению населения, дальнейшему спросу на сырье и расширению обработки. Однако, рента достигнет своей прежней высоты лишь *после увеличения населения, т.-е. после того, как под обработку пойдет* № 3. До этого пройдет значительный период, связанный с положительным уменьшением ренты».

сомнением пишет Мальтусу, что «усовершенствования в сельском хозяйстве, думается мне, имели на поддержание низкого уровня ренты большее влияние, чем когда-либо мы полагали» [1]) Все улучшения вели, однако, к тому, что они давали возможность на расширенной основе увеличить ренту. «Как сельско-хозяйственные улучшения,— говорит Рикардо,— так и возрастание плодородия могут дать земле способность приносить в более или менее отдаленном будущем более высокую ренту, потому что при той же самой цене на предметы пищи, их будет теперь гораздо более значительное количество... Успехи агрономии, развитие разделения труда распространяются одинаково на все участки, они увеличивают абсолютное количество сырых произведений, получаемых с различных участков» [2]).

Прогресс все же не нарушает разницы между участками и, тем самым, не может уменьшить ренту. Наоборот, рента должна расти А этот рост и пугал буржуа Рикардо. Источник дохода один и тот же — стоимость, аппетит же одного из получателей с каждым днем растет, он поглощает все бо́льшую часть других доходов. Прибыль постепенно падает. Уменьшение прибыли в капиталистическом производстве неизбежно влечет за собой застой и деградацию. Преодолеть возможность такого будущего входило в задачу Рикардо.

Во всех соображениях Рикардо кроются три крупных ошибки, которые и привели его к пессимизму. Он утверждает, что с ростом ренты падает прибыль, следовательно, закон падения прибыли он объясняет ростом ренты. Это не соответствует истине. Откуда получается прибыль? «Меновая стоимость товаров определяется количеством труда, овеществленного в них» [3]). Часть стоимости составляет заработную плату, а другая часть — прибавочную стоимость, по Рикардо, прибыль. Последняя распадается на собственно прибыль и земельную ренту. Рикардо правильно считает, что раз сумма—прибавочная стоимость дана, то каждое из слагаемых — прибыль и рента — могут быть увеличены только одна за счет другой. Но в самом ли деле слагаемое — прибавочная стоимость есть и была во времена Рикардо неизменна? В этом и кроется ошибка Рикардо.

1) Дилль — Комментарии", стр. 273.

2) „Начала", стр. 284.

3) Там же, стр. 7.

В его время, а также и в течение всего XIX века, происходило сильнейшее развитие производительности труда. Удешевлялись все товары, в том числе и рабочая сила. Переводя на язык стоимости, этот процесс, удешевляя рабочую силу, уменьшая необходимую часть рабочего времени, увеличивал прибавочное время, увеличивал прибавочную стоимость. К этому надо прибавить чисто английские условия конца XVIII и начала XIX столетия, когда заработная плата держалась нередко ниже физиологического уровня, увеличивая тем самым прибавочную стоимость до очень больших размеров [1]).

Рост прибавочной стоимости давал возможность при увеличении ренты увеличиваться и прибыли, т.-е. оба слагаемых одновременно увеличивалась, вследствие увеличения суммы.

Вторая ошибка Рикардо заключается в допущении утверждения, что общество постоянно вынуждено из-за перехода к худшим участкам повышать цену хлеба. Если даже отбросить значение прогресса, то, как мы уже говорили, переход к худшим землям вовсе не обязателен. Совершенно неправдоподобно предположение, что занятие земель производилось по определенному плану. К моменту происхождения капиталистического производства уже вся земля была занята. Следовательно, этот довод Рикардо не может приниматься в расчет, тем более, как универсальная тенденция.

В известный момент вся имеющаяся земля не удовлетворяет существующего спроса, вопрос об интенсификации сельского хозяйства встает особенно остро. На пути к интенсификации стоит, как говорит Рикардо, закон падения доходности. Однако, практика Англии и других стран в XIX веке [2]) показывает, что указанная тенденция парализуется более сильной другой [3]). В свою очередь, повышение ренты не

[1]) К. Маркс.—«Theorien», II, II, 203—204. «Спрашивается, почему норма прибыли поднялась, несмотря на подъем цен хлеба? Это можно объяснить следующими обстоятельствами: удлинением рабочего дня, непосредственным следствием вновь введенных машин, удешевлением фабрикатов и колониальных товаров, идущих в потребление рабочих; понижением заработной платы ниже традиционного уровня, хотя номинальная заработная плата поднялась».

[2]) Родбертус—«К освещению», пер. Соболева 292, 294, 301.

[3]) Fr. Aereboe.—«Die Erschliessung des Erdballs durch die fortschreitende Vervollkommnung der Hilfsmittel des Landbauers» Berlin. Parey. 1920; 3 S.

«Но все трудолюбие, и вся энергия людей, и наилучшая почва в благоприятнейшем климате мало полезны, если человеческий гений

должно обязательно связываться с падением производительности, с увеличением различия между участками. Многообразие факторов, влияющих на повышение земельной ренты, не исчерпывается одним падением производительности. Рикардо связал повышение ренты с падением производительности, в этом его ошибка.

Теперь нам предстоит ответить на вопрос, считал ли Рикардо закон убывающей доходности свойственным только земледелию, или земледелию и промышленности вместе. Прямого ответа на поставленный вопрос мы не найдем у Рикардо. Вместе с тем, он решительно высказывается против разделения на собственно промышленность и земледелие, на основе того, что первая имеет дело с неорганическим миром, а вторая с органическим. Рикардо считал такой взгляд пережитком физиократии. Анализируя только капиталистическое земледелие, он неоднократно сравнивает землю с машинами разной производительности. «Земля — это машина» [1]). У Рикардо встречаются выражения, что «природа выполняла бы», «труд природы оплачивался бы» [2]). Однако, такие выражения являются случайными и не связанными со всей его системой. Он неоднократно принимался журить Смита за его склонность к физиократии. Так, возражая против утверждения Смита, что в обрабатывающей промышленности природа «не делает ничего, а человек делает все», он заявляет: «разве природа не делает ничего для человека в обрабатывающей промышленности? Разве силы ветра и воды, которые приводят в движение наши корабли, равняются нулю... Нельзя назвать ни одной отрасли промышленности, в которой природа не оказывала бы помощи человеку, притом щедрой и даровой» [3]). Это необходимо помнить всем сторонникам своеобразия земледелия. Следовательно, Рикардо всякую промышленную деятельность рассматривал во всем ее

не дошел до того, чтобы применять соответственные вспомогательные средства для использования почвы. Лишь эти вспомогательные средства делают человеческий труд на земле производительным, так что в последней линии действует гений, который над землей господствует, который подчиняет людям землю. Тем самым человечество живет благодаря изобретениям, которые в течение поколений прямо или косвенно оплодотворяют сельское хозяйство». (Разрядка моя Г. Г).

[1]) «Начала», стр. 225.

[2]) «Там же», стр. 40. Примечание.

[3]) «Там же», стр. 41. Прим.

своеобразии, но отсюда он не делал заключения о своеобразии вплоть до создания особого закона, особого «гетто» для земледелия.

Земледелие имеет теоретически мыслимый «предел», за которым доходность быстро падает. Но такие «пределы» имеются и в обрабатывающей промышленности и они настолько ощутительно давят на процесс производства, что задерживают концентрацию, вплоть до введения новых усовершенствований [1]).

Развитие земледелия в силу целого ряда причин отстало от обще-промышленного развития. Но это не значит, что развитие земледелия происходит каким-то своеобразным путем, совершенно отличным от развития промышленности. Путь развития как для обрабатывающей промышленности, так и для добывающей, в том числе для земледелия, один и тот же. Неуклонное удешевление продуктов во всем XIX столетии как в промышленности, так и в земледелии, доказывает высказанное положение особенно убедительно. Выводы последователей закона убывающего плодородия говорят об обратном, именно, что хлеб постепенно должен расти в цене. Последнее утверждение находится в вопиющем противоречии с фактами. Такой авторитет, как профессор Скворцов, утверждает, что «кроме этих теоретических соображений, говорящих против возможности повышения ценности продукта с увеличением приложения капитала, мы имеем теперь и статистические данные, доказывающие, что хозяйства, ведущиеся более интенсивно, т.-е. с большим приложением капитала, производят не дороже хозяйств экстенсивных, т.-е. прилагающих менее капитала на единицу площади» [2]). При чем эти статистические данные захватывают громадный район. Для Саксонии они обработаны Гумбертом, учеником Конрада. Для Ганновера профессором Дрекслером. Наконец, по данным

[1]) Смотри об этом интересные данные в книге Корбина,—«Успехи техники». 1914 г. стр., 20—52; см. также —«Промышленность и техника». 1903 г. стр. 107 и др.

Рациональное свиноводство, например, с математически точной перегонкой хлеба в свиное мясо и сало, в такой же мере химический процесс, как и перегонка и ректификация спирта или производство какой-либо кислоты. Там и здесь существуют теоретически мыслимые «пределы», которые одинаково, при плохом ведении хозяйства, сказываются, как убытки, при хорошем, как прибыли.

[2]) Скворцов,—«Полит. экон.». 1898 г. 205—206.

департамента земледелия, в России устанавливается, что самый интенсивный юго-западный район дает самую дешевую пшеницу.

Маслов приводит пример бо́льшей дороговизны хлеба в Англии сравнительно с Америкой, и считает это доказательством своего положения, но им пропущены две серьезные величины — это рента и условия земледелия в Америке. Еще в 90 г. Мейер и Парвус указывали на чрезвычайно большую ренту, которая получалась как в английском, так и в европейском земледелии, из-за чего цены хлеба сильно возросли. Так называемый, аграрный кризис прежде всего ударил по рентам, отчего разорилось не мало землевладельцев. Цены на английском рынке на пшеницу сильно понизились: с 248 марок за тонну в 1861—70 г. г. пали до 180 марок в 1881—85 г.[1]). Результаты снижения цен по вычислениям Пэлгрева равнялись за 30 лет, с 1875—1904 г. г., потере землевладением 1.600.000.000 фунтов стерлингов [2]). Потеря слагается из обесценения капитала собственников на 1 миллиард фунтов стерлингов, потери на капитале фермеров 100 миллионов фунтов стерлингов и недоборах прибыли фермеров, составляющих 500 миллионов фунтов стерлингов.

Когда английское земледелие вынуждено было понизить цены на хлеб, когда при этом не произошло пропорционального увеличению производительности труда падения заработной платы, то это падение должно прежде всего ударить по прибыли фермера, так как арендный договор был заключен при старых условиях и рента не потерпела при первом

1) Кржи́вицкий,—«Аграрный вопрос», «Знание» 1906 г. 224. Таблица цен тонны пшеницы в марках.

Годы	Англия	Франция	Германия
1811—20	364	265	206
1821—30	266	192	121
1831—40	234	199	138
1841—50	240	201	167
1851—60	250	231	211
1861—85	248	224	204
1871—75	240	248	235
1876—80	206	229	211
1881—85	180	205	211
1888	144	198	189
1890	147	218	189
1892	110	180	176

[2]) Исаев,—Мировое хозяйство, стр. 26.

нажиме изменений. Следовательно, сравнивать цены хлеба английского земледелия с американским и отсюда делать теоретические выводы, по меньшей мере, ошибочно. Следовательно, только приняв во внимание ренту, можно сравнивать английское и американское земледелие.

Затем условия самого земледелия в Америке были несколько иные, чем в Европе. Вновь колонизованные области подверглись невероятно хищническому использованию. Естественные силы, являющиеся базой приложения труда, были использованы с максимальным эффектом в самый кратчайший срок. После нескольких посевов земли, в большинстве случаев, забрасывались, и американский фермер переходил к новой нетронутой почве.

Сам фермер, а особенно русский крестьянин были мало похожи на английского фермера с его «средней» прибылью. Оба первые часто поступались частью прибыли с тем, чтобы найти верный сбыт своему хлебу. «И с этой конкуренцией,— говорит Энгельс,—с конкуренцией девственной степной земли, равно как с конкуренцией крестьян России и Индии, изнемогающих под податным винтом, европейский арендатор не мог справиться при старых рентах»[1]). Причины удешевления хлеба зависят не только от конкуренции новооткрытых стран, а и от прогресса общих производственных условий. У Кржижицкого приведены таблицы, противоречащие утверждению Маслова.

Производство пшеницы. За единицу взяты 20 бушелей, т.-е. урожай с одного акра. Сопоставляются 1829—30 и 1895—96 г. г.

Годы	Число отдельных работ	Число отдельных рабочих	Время, необход. для совокупн. работ	Зарплата в долларах за все работы
1829—30	8 работ	4 работника	64 ч. 15 м.	3,71 долл.
1894—95	5 »	10 »	2 » 58 »	0,71 »

Производство ржи. За единицу взяты 25 бушелей, т.-е. средняя урожайность одного акра:

1847—48	11 работ	4 работника	62 ч. 59 м.	4,11 долл.
1894—95	10 »	14 »	25 » 10 »	2,65 »

[1]) Маркс,—«Капитал», III, II, 256.

Производство ячменя. За единицу взяты 30 бушелей, т.-е. урожайность одного акра:

1829—30	8 работ	4 работника	63 ч. 35 м.	3,60 долл.
1895—96	5 »	10 »	2 » 43 »	0,60 »

Производство картофеля. За единицу взяты 220 бушелей.

1866	14 работ	4 работника	108 ч. 55 м.	10,89 долл.
1895	11 »	12 »	38 » — »	3,80 »

Производство сена. За единицу взята 1 тонна (средняя урожайность одного акра):

1860	7 работ	5 работник.	35 ч. 30 м.	3.06 долл.
1894	7 »	7 »	11 » 34 »	1,29 »

Садоводство. За единицу взяты 10,000 яблонь:

1870—72	17 работ	16 работник.	1,257 ч. 10 м.	196,45 долл.
1893—95	18 »	30 »	898 » 4 »	142,91 »[1])

Производительность труда возросла для ячменя в 6 раз, для пшеницы в 5 раз. Это совершенно не вяжется с утверждением теоретиков закона убывающего плодородия. Но эта таблица касается Америки, которая вообще развивается быстрее, чем Европа, поэтому в дополнение можно привести еще одну таблицу, которая касается развития сельского хозяйства в Германии. В Германии было произведено хлеба в тысячах тонн при урожае на 1 гектар в двойных центнерах [2]):

Годы	Рожь	На 1 гект.	Пшеница	На 1 гект.	Овес	На 1 гект.	Ячмень	На 1 гект.	Картофель	На 1 гект.
1880	4.971	8,4	2.353	12,9	4.243	11,3	2.150	13,2	19.518	71
1890	5.868	10,1	2.831	14,4	4.914	12,6	2.283	13,7	23.321	80
1900	8.555	14,4	3.841	18,7	7.092	17,2	3.002	18,0	40.585	126
1913	12.222	19,1	4.656	23,6	9.114	21,9	3.673	22,2	54.151	159

Еще более интересны данные применительно к нашей теме содержит таблица, приведенная Христофом [3]):

[1]) Кржижицкий.—«Аграрный вопрос», стр. 97—98.

[2]) Krebs.—«Die Landwritschaft in der modernen Wirtschaft», 17. 1922. Berlin.

[3]) Fr. Christoph.—„Landwirtschaft und Industrie". 1918; 7—8 s. Кондратьев приводит в № 10—11 „Союза Потребителей" за 1923 г. следующие данные: с 1900 г. по 1912 г. население мира возросло на 6—7 %. За то же время посевная площадь пшеницы возросла приблизительно на 20 %, а сбор — свыше чем на 40 %. Смотри также: Boyle. „Agricultural Economies". Lippingof, London. 1921, 2.

Сельско-хозяйственные отношения в начале XIX-го века и начале XX-го века в Германии.

Годы	В сельском хозяйстве занятых людей	В остальных профессиях занятых людей	Площадь земледелия в миллион. гектар.	В среднем доход на гектар в двойных центнерах				Средний вес 1 коровы в двойных центнерах	Средний вес 1 свиньи в двойных центнерах
				Рожь	Овса	Карто-феля	Сахар. свекл.		
1810	около 18 мил.	8 мил.	21, из котор. 1/3 пустовала	8	9	немного засевалось		1,75	0,95
1870	„ 18 „	23 „	26, из котор. 9% пустов.	11	12,5	60	200	3,00	0,75
1912	„ 18 „	49 „	26	19,1	21,9	159	400	4,00	1,1

Годы	На голову населения потребляло мяса килограмм	Способы прокормления	Применение сел.-хоз. машин и орудий	Применение искусственного удобрения	Употреблен. концентрированного корма	Сахарных заводов: Число	Сахарных заводов: Выработано сахару в центнерах	Молочных
1810	17	Произведен. зерна было достаточно для 26 милл. населения. Произведенного зерна хватало на 41 милл. населения и еще оставалось для значит. вывоза.	Только простейшие плуги и ручные орудия, на гектар на 20 марок. Вместе с железн. плугами, боронами, катками, стоимость на гектар 50 марок.	Нет.	Нет.	Нет.	—	Нет.
1870	29			Немного кали, фосфата, чилийской соли, в общем в год около 50 милл. марок.	Только отбросы мелких пивных, крахмальн. и винокуренных заводов, стоимостью в год на 100 милл. марок.	311	45 милл.	Немного.
1912	52	Произведен. не хватило на 66 милл. населения.	Много современ. машин и мотор., стоим. от 150—400 мар. на гект.	Много искусствен. удобр. в год на 600 милл. мар.	Теперь внутри страны производится на 1 миллиард марок и ввозится на 1 миллиард мар.	373	200 милл.	3.300 больших товариществ и больше 100 частн. мол.

Эта таблица особенно поучительна для теоретиков, старающихся провести свои утверждения вопреки всем статистическим данным из аграрной истории.

В частности, достаточно русские урожаи довести до немецких, чтобы вся Европа была засыпана пшеницей, поэтому, самый разговор о «пределе» в земледелии является совершенно бесплодным и бесполезным.

Противоречие закона убывающего плодородия с фактами настолько сильны, что Давид и Маслов и Диль уступили и признали, что не всякая затрата капитала становится менее производительной [1]). При данном состоянии техники существует предел, дальше которого затраты капитала будут менее производительны, пока не сделаются совершенно убыточными. Постоянный прогресс Давид, напр., изображает ступеньчатым, чтобы согласовать его с законом. У него получается, что земледелие стоит на известной стадии, и эта стадия имеет свой предел, за которым приложение капитала будет менее производительно. Потом накопятся силы и земледелие перескочит на следующую ступень, и там снова начнет действовать тот же принцип, только на новой основе. Нельзя не признать очень искусственным такое коленчатое объяснение прогресса, при всем том оно обозначает уступки со стороны Давида и др.. Сделанная уступка не избавляет их теории от надуманности, от противоречия фактам. Развитие хозяйства сводится к изменению органического состава капитала, пропорции c: v. Всякое новое приложение капитала заключает в себе шаг вперед. Из общей массы капитала в земледелие идет, сравнительно с промышленностью, меньшая часть. Агроном мог бы превратить весь земной шар в сад и огород, но это превращение зависит не только от техники. Как правило, в наше время развитие техники далеко опережает возможность расширить применение капитала, прежде чем это приложение дойдет до «предела». Технический «предел» постоянно бежит далеко впереди экономической возможности. Самый характер движения отличается непрерывностью, темп движения то замедляется, то ускоряется вплоть до революции.

Самым сильным аргументом у защитников закона является ссылка на естественные законы, на Либиха, на его «закон минимума». «Закон минимума», формулированный Либихом, состоит в том, что развитие растения, а следовательно и урожай, находится в прямой зависимости от того вещества (или

1) Давид.—477—78, Диль.—«Комментарии». 270, Маслов. 49.

вообще условия), которое присутствует, вообще, в недостаточном количестве» [1]). Положение, высказанное Либихом, казалось бесспорным настолько, что переходило из учебника в учебник, от одного профессора к другому, пока не было установлено новое, уничтожающее или, по крайней, мере, исправляющее закон минимума [2]). Начиная с 1908 г. по 1921 г., немецкий ученый Митчерлих в большом масштабе производил проверку на опыте закона минимума Либиха; в результате он пришел к новым выводам — к закону «действия факторов роста», которым заменяется либиховский минимум. За Митчерлихом последовал целый ряд других ученых, в результате чего закон Либиха объявлен устаревшим. Домонтович так формулирует эту коллизию между устаревшим и и новым законом: «по всей вероятности, не является случайным то обстоятельство, что в более раннюю эпоху развития сельского хозяйства, когда отдельные, часто еще неразгаданные факторы могли оказывать резкое, угнетающее влияние на величину урожая, получил всеобщее признание либиховский закон минимума, который направил внимание и усилие агрономии на отыскание и устранение этих резких минимумов.

В настоящее время, когда сельско-хозяйственная культура в Германии достигла высокого развития, и наиболее резкие минимумы в сельском хозяйстве могут считаться до известной степени устраненными или смягченными, появилась более широкая теория «действия факторов роста» Митчерлиха, который естественно выдвигает, как общую задачу агрономии, учет и гармоническое развитие всех без исключения факторов роста растений» [3]). Следовательно, на Либиха нельзя опереться, так как его минимум признан устаревшим. Естествознание идет от одной победы к другой, то, что казалось недосягаемым и невозможным, становится достоянием повседневной практики. К Тимирязев, сравнивая конец XVIII века с концом XIX, пишет: «первый видел в учении Мальтуса грозный закон природы, а второй доказал власть человека и над этим законом» [4]).

1) Тимирязев.—«Земледелие и физиология растений». 1920 г. стр. 46
2) Там же, стр 63.
3) «Научные Известия», 1922 г. IV, Гиз, стр. 195.
4) К. Тимирязев.—«Столетние итоги физиологии растений». 1918 г.

Остался еще один опорный пункт защитников закона убывающего продородия—это солнечная энергия. Предоставим слово Тимирязеву: «Но из этого вытекает с очевидностью тот малоизвестный вывод, что предел плодородия данной площади земли определяется не количеством удобрения, которое мы могли бы ей доставить, не количеством влаги, которою мы ее оросили, а количеством световой энергии, которую посылает на данную поверхность солнце»—и дальше— «мыслимый предел прозводительности этого труда (земледельца), приложенного к данной площади, определяется солнцем» [1]). Здесь сторонники закона торжествуют победу. Все остальное может быть опровергнуто, но солнце—нет. Этот факт бьет в глаза. И не правы ли сторонники закона, когда они заявлют, что земледелие очень своеобразно, что оно имеет дело с органическими процессами, не подчиненными человеческому воздействию? Но так кажется только с первого взгляда При более внимательном рассмотрении солнечный минимум не представляет опоры закону. Сам-же Тимирязев пишет: «следовательно, 10, 15% солнечного света—вот все, что может быть утилизированно растением, а мы только что видели, что при помощи самых интенсивных своих культур мы утилизируем уже до 2%. Значит, когда человек когда-нибудь сумеет увеличить производительность самых интенсивных своих культур раз в пять, то, вероятно, будет вправе сказать, что получил все физически возможное, все, что дает ему солнце» [2]). Оставляя в стороне вопрос о 10, 15%, вообще могущей быть использованной солнечной энергии, мы обращаем внимание, что в самых интенсивных районах мы используем только два процента, т.-е., от $^1/_5$ до $^2/_{15}$. Если мы примем в среднем самую интенсивную систему, как дающую 200 пудов на десятину, то мы можем увеличить урожайность от 1 до $1^1/_2$ тысяч пудов пшеницы на десятину. Этого предела хватит на ближайшие десятилетия, пока за это время развитие агрономии в целом не заменит солнечный предел новым, безбрежно повышающим наши возможности. Пока мы констатируем лишь одно, что в данное время средний мировой урожай не превышает 60 пудов с десятины. Возможность расширения его

1) К. Тимирязев.— «Земледелие и физиология растений». 1920 г. стр. 70—71.
2) Там же, стр. 71.

до 1—1½ тысяч пудов практически значит отсутствие всякого «предела» [1]).

Таким образом, экономически закон убывающего плодородия, как закон, есть фикция. Технически существует теоретический «предел», который практического значения в земледелии не имеет. Если здесь сторонники закона не имеют корней, то причина упорства защитников закона убывающего плодородия может быть объяснена социальными обстоятельствами. Общество ведет борьбу с природой, где постоянно приходится преодолевать препятствие за препятствием. Этот процесс преодоления происходит в различных отраслях промышленности. В конце-концов все идет к одной цели — к овладению силами природы. Путь прогресса длинен, но направление и результат одинаков как для промышленности, так и для земледелия. В конце XVIII и в начале XIX столетия развитие агрономии было еще слабо, она не шла дальше грубо-эмпирических выводов. Там была почва для разговоров о «пределах». В наше время, когда науки, связанные с земледелием, сделали большие успехи, естественные «пределы» утратили всякую актуальность в экономике, и человечество поставлено на неизмеримо высокую ступень обеспеченности сравнительно, с, так называемым, «золотым веком». Оживление закона убывающего плодородия может быть объяснено не трудностями добывания пищи, а трудностью борьбы, которую ведет рабочий класс за кусок хлеба Следовательно, законы распределения в капиталистическом обществе подменяются трудностью борьбы с природой, поэтому не даром все сторонники закона, не исключая и социалистов, являются решительными противниками всяких революционных действий. Здесь теория втягивается в социальную борьбу и притом против рабочего класса.

В заключение относительно закона убывающего плодородия нужно добавить следующее. Его стараются ввести в сознание, как неопровержимый факт, говоря нам, что общество, прогрессируя, должно переживать под влиянием его все большие

1) Интересно привести по этому вопросу мнение Аеребоэ, который пишет: «При этом скоро становится понятным, что все изобретения нашего времени, которыми мы обычно гордимся, менее значительны сравнительно с достижениями, которые племена прежних времен проделали в сельско-хозяйственной области и что возможности в будущем еще больше и еще необозримее» Стр.3 «Aereboe.–Die Erschliessung.. » Berlin Parey, 1920.

трудности в добывании пищи. Маслов прямо указывает, что кормление стад на диком лугу не требует никакого труда и отсюда можно сделать вывод, что дикие племена переживали золотой век. Такое обращение взоров назад к варварству, когда «текли молочные реки в кисельных берегах», помимо того, что оно теоретически нелепо, еще и консервативно. Изучение первобытной истории говорит нам о гибели целых племен от голодной смерти. Еще недавно «черная смерть» косила сотни тысяч населения Европы. Жалкая зависимость от тощей злаковой растительности на полях проходит красной нитью через историю человечества. Весь прогресс капиталистического общества с его гигантскими техническими достижениями, с десятками миллионов паровых сил ставит на очередь полную автоматизацию производства. Силы природы, закованные в сталь, послушно выполняют веления человека. Человек идет к прогрессивно уменьшающемуся минимуму труда с одновременным возрастанием эффекта. Обезьяна, поставленная у единственного рычага колоссального предприятия,— не беспочвенная фантазия. Иначе говоря, производительная сила труда достигла в наше время, по сравнению с до-капиталистическим, громадных размеров и все быстрее умножается. Не назад, в тьму и варварство, а вперед, в светлое будущее ведет наш путь.

Земельная рента в системе доходов у Рикардо.

«Начала» Рикардо составили целую эпоху в политической экономии. До Рикардо не было мыслителя, который бы с таким подкупающим блеском создал стройную теорию народного хозяйства. В основе его теории заложены глубокие истины, которые питали целые поколения теоретиков политической экономии. Рикардо то забывается, то снова выплывает на сцену. Отливы и приливы общественного внимания к Рикардо будут продолжаться, пока существуют страны, переживающие медовый месяц капитализма.

Тем не менее, в системе народного хозяйства Рикардо не все благополучно. Самая глубокая его теория трудовой стоимости страдает большим недостатком. Если мы заглянем в первую главу «Начал», то там найдем, что «сравнительная стоимость рыбы и дичи будет всецело регулироваться количеством труда, осуществленного в той или другой, каково бы ни было количество продуктов или как бы высока или низка ни была зарплата или прибыль»[1]).

Но это правильное определение не исчерпывает существа дела, особенно для Рикардо, заявившего, что главная задача политэкономии определить законы, управляющие распределением[2]). Рикардо исследует категории капиталистического производства. Для него было бы чрезвычайно важно, раз он свел стоимость к труду, ввести строгое разграничение между необходимым трудом и прибавочным трудом. Разграничение на зарплату и прибыль принимается Рикардо. «Вся стоимость их товаров делится только на две части, одна составляет прибыль на капитал, другая — зарплату[3])». Но вместо прибавочной стоимости он довольствуется понятием прибыли, при

1) Рикардо.—„Начала", стр. 15.
2) Там же, предисловие, стр. 2.
3) Там же, стр. 64.

чем во время анализа оно фигурирует у него, то как марксова прибавочная стоимость, то как прибыль[1]). Самую стоимость Рикардо принимает, как величину неизменную, почему у него заработная плата и прибыль, составляя два слагаемых одной неизменной суммы — стоимости, находятся в обратно-пропорциональном отношении одна к другой. «Какая доля продукта уплачивается, — говорит Рикардо, — в форме заработной платы, вопрос в высшей степени важный при изучении законов прибыли. Ибо ясно, что она будет высока или низка ровно постольку, поскольку будет высока или низка заработная плата»[2]). «Чем меньше приходится на долю зарплаты, тем больше останется на долю прибыли и наоборот»[3]) В то же время колебания обеих долей стоимости ни в какой степени не влияет на самое стоимость Она остается неизменной. «Зарплата может увеличиться на 20% и прибыль, вследствие этого, упасть в большей или меньшей пропорции, не вызывая ни малейшего изменения в относительной стоимости этих товаров»[4]). Таким образом, стоимость—величина данная,в обычных товарах она проявляется беспрепятственно. Не вызывает ли изменения в системе доходов и в самой стоимости появление земельной ренты? Между заработной платой и прибылью существует непосредственная связь. Земельная рента своим появлением усложняет дело.

Прежде всего, ее не следует смешивать ни с прибылью, ни с заработной платой, так как она совершенно особая категория, и «законы, управляющие движением ренты, совершенно отличаются от законов, управляющих движением прибыли, и редко действуют в одном и том же направлении». Мы уже знаем, что земельная рента есть плата за пользование землей, которую, землевладелец получает с арендаторов. Необходимо выяснить, из каких источников она получается. Стоимость, как известно, определяется трудом. Распределение

1) См. Маркс — «Теории прибавочной стоимости» II, I, стр. 92—95.
2) Рикардо, стр. 16.
3) Там же, стр. 283. «Этот случай: неизменяющийся в процентном отношении состав капитала, неизменяющийся рабочий день, неизменяющаяся интенсивность труда, изменение нормы прибавочной стоимости, вызванное изменением зарплаты,— представляет единственный случай, на котором оправдывается положение Рикардо: «прибыль высока или низка в точном соответствии с тем, низка или высока будет заработная плата». К. Маркс «Капитал», 1907 г.—III, I—39.
4) «Начала», стр. 17.

продуктов происходит в согласии с распределением стоимости. Мы видели, что агенты капиталистического производства выступают, как получатели заработной платы и прибыли. Но как только производство касается земли или связанных с ней продуктов, так сейчас же появляется новый вид дохода— земельная рента. Она представляет собою такой доход, движение которого не связано прямо ни с зарплатой, ни с прибылью. «Если зарплата падает, то поднимается прибыль, а не рента»[1]). Когда рента внесена владельцу, то в дальнейшем «раздел будет произведен между фермером и рабочим без всякого вмешательства со стороны землевладельца»[2]). Следовательно, землевладелец — получатель ренты — выступает обособленно. Он получает следуемую ему часть и предоставляет в последующем борьбу между рабочими и капиталистом-фермером за раздел добычи без его участия.

Рикардо, анализируя динамику прибыли,— здесь у него наблюдается тождество с относительной прибавочной стоимостью Маркса,— считает возможным ее возвышение только с падением зарплаты. Технический прогресс несет удешевление продуктов потребления рабочих. Естественная цена является той, «которая необходима, чтобы рабочие имели средства к существованию и продолжению своего рода без увеличения или уменьшения их числа»[3]). Коль скоро предмет питания дешевеет, заработная плата должна понизиться. «Уменьшите, — говорит Рикардо, — посредством уменьшения естественной цены предметов пищи и одежды, служащих для поддержания жизни, издержки производства средств существования людей,— и заработная плата, в конце-концов, упадет, несмотря на то, что спрос на рабочих может сильно увеличиться»[4]).

Следовательно, постоянное удешевление предметов обихода дает возможность увеличивать прибыль. При такой предпосылке прибыль должна постоянно повышаться за счет доли рабочего класса. На самом деле происходит обратное движение прибыли,— прибыль понижается. Понижение происходит, из-за постоянного роста цен на хлеб и из-за, связанного

1) Рикардо, стр. 283.
2) Там же, стр. 283.
3) Там же, стр. 52.
4) Там же, стр. 261.

с этим, неуклонного увеличения доли землевладельцев. Хлеб составляет одно из главных средств питания рабочих, почему вздорожание хлеба немедленно отзывается на зарплате, повышая ее номинально. Повышение же заработной платы понижает прибыль.

Технический прогресс вызывает удешевление одной части продуктов и повышение, тем самым, прибыли. Но землевладелец захватывает не только возрастающую часть прибыли, но и часть обычной прибыли, понижая норму последней. «Весь прибавочный продукт земли, за вычетом из него лишь такой умеренной прибыли, которая достаточна для поощрения накопления, в конце-концов, достается землевладельцу»[1]).

Земельная рента в цену товара не входит, так как «ни фермер, обрабатывающий землю того разряда, который регулирует цену, ни фабрикант, который изготовляет мануфактурные товары, не поступается никакой долей продукта ради ренты. Вся стоимость их товаров делится только на две части: одна составляет прибыль на капитал, другая — заработную плату»[2]). Это — фундамент цены. Но в хозяйстве от него имеются отклонения. В частности, в земледелии имеется различное качество участков. Рост населения заставляет переходить к худшим участкам, а раз эти худшие участки население вынуждено обрабатывать, то издержки производства худших участков покроются рынком. Все, что получается на лучших участках сверх издержек производства, регулирующих цену, составляет сверх-доход. Он мог бы пойти, как прибыль, в общий котел, и тогда бы естественно произошло повышение нормы прибыли. Монополия владения землей мешает подобному ходу вещей, она задерживает сверх-доход в земледелии, превращая его в дань землевладельцу. Этот затвердевший доход землевладельца и составляет своеобразный доход — земельную ренту.

Источник как прибыли, так и земельной ренты — один, это труд рабочего. Когда с некоторых продуктов, наряду с прибылью, получается и рента, то это вовсе не означает создания новой стоимости. «Мы должны, поэтому, признать,— пишет Рикардо,— что Сисмонди и Буханан, мнения которых по существу одинаковы, вполне правы, рассматривая ренту,

1) Рикардо,— 225.
2) Там же,—63—64.

как чисто номинальную стоимость, и видя в ней не прибавку к богатству, а простой перенос стоимости, выгодный только для землевладельца и убыточный для потребителя»[1]). По вопросу о том, обе ли части стоимости, т.-е. заработная плата и прибыль, принимают участие в создании земельной ренты, Рикардо отвечает неясно.

Более точную формулировку дает Рикардо земельной ренте, как доходу. Так как в капиталистическом производстве существует средняя прибыль, то для земледелия всякий излишек, всякая сверх-прибыль превращается в земельную ренту, как говорит Рикардо, «весь прибавочный продукт». Во всех случаях прибыль как в земледелии, так и в промышленности понижается при повышении цены сырых произведений, если оно сопровождается повышением заработной платы[2]). Получается, что «прибыль имеет естественную тенденцию падать» (разрядка моя Г. Г.)[3]). Следовательно, земельная рента берется из той части стоимости, которая называется у Маркса прибавочной стоимостью, а у Рикардо, прибылью. Создается постоянная подвижная скала, на которой, принимая заработную плату за постоянную величину, происходит повышение земельной ренты с одновременным понижением прибыли и обратно. Если раньше Рикардо рассматривал стоимость, как величину постоянную, распадающуюся на заработную плату и прибыль, то теперь прибыль — прибавочная стоимость — рассматривается, как сумма двух слагаемых — прибыли и земельной ренты. Только действие ренты на прибыль проявляется не непосредственно, а через заработную плату.

Влияние роста земельной ренты сказанным не ограничивается. Рикардо говорит об убытках «потребителя» при повышении цен хлеба. Получаются эти убытки очень просто. Основное положение Рикардо заключается в утверждении, что прибыль способствует благосостоянию общества, так как она увеличивает накопление. Капиталист не то, что землевладелец, он не потребляет и не в состоянии потребить всю прибыль, наоборот, он превращает ее снова в капитал. Чем больше прибыль, тем сильнее происходит накопление. Последнее,

1) Рикардо,—275.
2) Там же, стр. 67.
3) Там же, стр. 71.

в свою очередь, приведет к увеличению спроса на труд, повышению заработной платы, увеличению населения, дальнейшему спросу на сырье и расширению земледелия[1]). Накопление дает занятие большему количеству рабочих, повышает заработную плату, следовательно, прямо увеличивает благосостояние всей нации. Все, что препятствует процессу накопления, оказывает вредное действие на общество[2]). Когда Рикардо возражали, что нельзя уничтожать пошлины на хлеб, так как погибнут затраченные на худших участках капиталы, он без всяких околичностей заявлял: «Нельзя оспаривать, что известное количество капитала было бы потеряно, но что представляет собой обладание или сохранение капиталов, цель или средство? Несомненно, средство»[3]). Поэтому, нельзя во имя средства приносить в жертву цель — благосостояние общества. Потеря некоторой части капитала *в земледелии поможет обществу приобрести в десятки раз* больше, так как наступит изобилие и дешевизна продуктов питания, номинальная заработная плата понизится, и, как следствие этого, повысится прибыль, а, как следствие последнего, усилится накопление. А это и есть цель общества, так как в накоплении заключается его благополучие. Благополучие заключается в изобилии продуктов, при котором «в первую очередь всеми выгодами пользовались бы рабочие, капиталисты и предприниматели». Повышение земельной ренты вызывает оскудение общества, от него страдает всякий «потребитель», как говорит Рикардо.

Во всем ходе рассуждений о земельной ренте, как части в системе доходов, кроется целый ряд ошибок, о которых мы уже частично говорили.

Совершенно неправильно предположение, что заработная плата является постоянной величиной. Предположение, что может измениться только номинальная величина заработной платы, ни в малейшей степени не соответствует действительности, особенно, если мы касаемся земледелия. В частности, в Англии технические усовершенствования вытесняли ремесленника и заменяли его машиной, а в работе на машинах

1) Рикардо, стр. 132.
2) Там же стр. 226. «Все классы общества, за исключением землевладельцев, одинаково проиграли бы от повышения цены хлеба».
3) Соч. Д. Рикардо, пер. Зибера, стр. 515.

рабочие были заменены женщинами и детьми. Армия безработных увеличилась, конкуренция среди рабочих усилилась. Капиталисты использовали выигрышное положение, снижая заработную плату до ничтожного прожиточного минимума. «Фабричный рабочий,— пишет Роджерс,— поставлен был еще в худшее положение, чем сельский, а когда постепенно стали вводить в ткацкое производство машины, ручные ткачи оказались в самом худшем положении по сравнению с другими»[1]). Тяжелое положение рабочих признает и сам Рикардо в главе «о машинах», но не делает соответствующих выводов для всей своей системы.

Всякое увеличение дороговизны, из-за обесценения бумажных денег, из-за увеличения земельной ренты, должно прежде всего отзываться на заработной плате. Она понижалась, и прибавочная стоимость увеличивалась. Увеличение земельной ренты могло происходить, не задевая обычной прибыли, и даже больше, прибыль могла расти одновременно с ростом ренты.

Рикардо отмечает факт технического прогресса, но неправильное учение о земельной ренте парализует его действие на прибавочную стоимость—у Рикардо—прибыль. В действительности же происходит очень сильный процесс интенсификации труда с одновременным повышением рабочего времени, если прибавить к этому понижение заработной платы, то получится солидное увеличение прибавочной стоимости. Глубоко прав Маркс, когда он пишет, что «в период с 1797 г. по 1815 г., когда в Англии значительно возросла цена на хлеб и номинальная заработная плата, число ежедневных часов в главных отраслях, в свою очередь, находящихся в фазисе безусловного развития, очень увеличилось, и я думаю, что это остановило падение нормы прибыли, потому что остановлено падение прибавочной стоимости» [2]).

Из неверной посылки, что рост земельной ренты обязательно понижает прибыль, Рикардо неверно обосновал правильный закон тенденции нормы прибыли к понижению. В действительности, этот закон проявляется, но причины его совершенно другие.

Вся теория распределения Рикардо, на основании выше изложенного, требует больших коррективов.

1) Роджерс, стр. 410.
2) Маркс.—«Теории», II, 1 стр. 95.

Динамика земельной ренты.

Рикардо признавал неуклонный рост земельной ренты. Каждая прогрессивная страна, а таковой Рикардо считал всякую капиталистически производящую страну, увеличивает производительность труда. Последнее обстоятельство увеличивает прибыль, а отсюда и рост накопления. Последнее неизбежно повышает ренту. «Рост ренты,— говорит Рикардо,— всегда является результатом роста богатства страны и трудности снабжения пищей ее возросшего поколения» [1]).

Рикардо устанавливает только два отступления в росте ренты: во-первых, когда уменьшается капитал: «уменьшение капитала будет понижать ренту....», потому что «за всяким уменьшением необходимо следует падение спроса на хлеб, падение цены и сокращение обработки» [2]); во-вторых, улучшение, уменьшающее трудность добывания пищи.

Эти отступления Рикардо считает, однако, явлениями временными, наблюдающимися при непрестанном росте трудностей. К концу своей жизни у Рикардо появилось сомнение, что, пожалуй, он относительно влияния на рост ренты не прав. Но это сомнение так и осталось сомнением и основным его воззрением мы должны признать то, которое допускает постоянный рост ренты. При чем, продолжая логически его мысль, постоянное повышение ренты доходит скоро до своего предела, до почти полного уничтожения прибыли. «Повышение цены предметов необходимости и заработной платы имеют свой предел». Что это за предел,— Рикардо поясняет дальше: «Как только заработная плата будет равна 720 фунтам стерлингов, всей выручке фермера, должен наступить конец накоплению; никакой капитал не может тогда

1) Рикардо, стр. 41.
2) Там же, стр. 42.

давать прибыли и не может быть спроса на добавочный труд, а, следовательно, и население достигает своей наивысшей точки. Однако, задолго до этого периода, весьма низкий уровень прибыли остановит всякое накопление и почти весь продукт страны, за вычетом платы рабочих, станет собственностью землевладельцев и сборщиков десятины и налогов» [1]).

Рикардо прямолинейно приходит к выводу, который не сулит ничего хорошего капиталистическому обществу. Этот вывод есть результат посягательств на прибыль капиталистов со стороны землевладельцев. Последние виновники возможного тупика.

Подобный взгляд Рикардо на тенденцию земельной ренты нельзя считать правильным. Как верно замечает Кэри, «крайнее рабство человека, таким образом, есть естественный исход рикардовско-мальтузианской доктрины» [2]). В связи с этим пунктом Маркс заметил, что теория Рикардо, сама по себе, несимпатично связывается с «мальтузианской» грязью и «влечет отвратительные последствия» [3]). Даже сторонники закона убывающего плодородия смягчают доведенный до логического абсурда вывод Рикардо.

Причина ошибочного вывода Рикардо кроется частично в английской действительности и затем в его упрощенной трактовке теории земельной ренты, которая и сама в значительной мере есть плод тех же условий хозяйства. По существу правильно, что земельная рента растет. Не прав совершенно Диль, не признающий тенденции роста земельной ренты. Диль просто смешивает цену с рентой. Рикардо, как было уже указано, неправильно считает возможным увеличение земельной ренты только за счет уменьшения прибыли. Если бы он имел правильное представление о прибавочной стоимости, тогда бы он допускал при росте земельной ренты, неизменную или даже растущую прибыль. Параллельный рост прибыли и ренты возможен за счет производительности труда, за счет уменьшения стоимости доли рабочего. При таком толковании Рикардо избежал бы ошибок, встречающихся у него. После него мы наблюдали неоднократно громадный рост ренты. Зомбарт

1) Рикардо, стр. 72.
2) Кэри, стр. 520.
3) Маркс.—Теории, II, I, стр. 136.

приводит статистику чистого дохода имения графа Stolberg W; доход равнялся в среднем ежегодно:

1579—85 г.	11.550 мар.
1646—56 „	7.350 „
1780—89 „	18.381 „
1830—40 „	17.486 „
1880—83 „	59.077 „ 1)

Чистый доход имения Kupast в Силезии выразился:

1831—40 г	118.117 мар.
1851—60 „	157.351 „
1861—70 „	199.876 „
1871—80 „	245.754 „

Подобная же картина наблюдалась в Познани, Венгрии, Богемии и др. частях срединной Европы. Общее оживление земледелия охватило Германию в тот период. В связи с этим естественно поднялась цена земли. Данные для Мекленбург-Шверина свидетельствуют, что цена земли равнялась [2]):

Года	Аллодиальные владения.	Ленные владения
1830—39	63.635 мар.	56.136 мар.
1840—49	93.815 „	90.482 „
1850—59	118.696 „	113.216 „
1860—69	180.441 „	152.341 „
1870—78.	158.275 „	133.042 „

Исаев приводит подобные же цифры для Франции [3]). Роста земельных рент не отрицает и Диль, хотя это и находится в противоречии с высказанным им положением [4]).

Рост ренты, как бы это не было странно для Рикардо, не вызвал соответственного уменьшении прибылей. Правда, норма прибыли падала, но нельзя при этом говорить о соответствии между падением прибыли и ростом земельной ренты и о приостановке накопления. Мрачная картина, которую рисовал себе Рикардо для будущего, не оправдалась. В Германии арендная плата за гектар, принимая 1849 год за 100, повысилась в 1869 г. до 244,9; в 1879 году до 256 и в

1) Зомбарт.—Современный капитализм, II т., 1905 г., пер. Курчинского, стр. 108.
2) Там же, стр. 109.
3) Исаев.—«Начала политич. экономии», 7 изд. 1908 г., стр. 355.
4) Диль.—«Комментарии», 324; см. так же Кржвицкий, 227.

1890—91 г. до 280,2. Между тем, как цены на рожь были за те же годы: 100, 131, 128, 109; а рост населения— 100, 115, 125, 140. Вполне оправдывается заявление Гарвуда, что мы достигли только тени того, что фактически при наших знаниях можно достигнуть. Удобрение из воздуха, примененное в Германии во время войны, заводы для добывания из воздуха серы, стерилизация зерна, прививка азотистости зерновым культурам, не говоря уже о механизации, электрификации сельского-хозяйства,— все это необъятно расширяет перспективы производства хлеба.

Ошибка Рикардо произошла из-за того, что он недооценил значения прогресса. Он полагал, что прогресс не перегонит роста населения. Еще Родбертус указал ему на неправильность этого вывода. Родбертус указал, что в наиболее плотно населенных местностях хлеб дешевле, чем в других. Для самой Англии вывод Рикардо оказался неправильным. Так, средние цены на хлеб составляли:

1811—20 г.	87,6	шиллингов за квартер
1821—30 „	59,5	„ „
1831—40 „	56—10	„ „
1841—50 „	53—4	„ „
1851—60 „	54—7	„ „
1861—70 „	51,1	„ „
1871—75 „	54.8	„ „
1876—80 „	47—6	„ „

За то же приблизительно время население росло в процентном отношении следующим образом:

1770—1780 г. на	8 %
1780—1790 „ „	9 „
1790 1801 „ „	8 „
1801—1811 „ „	13 „
1811—1821 „ „	15 „
1821—1831 „ „	16 „
1831—1841 „ „	18,9 „

Эти два столбца решительно опровергают построение Рикардо. Как результат улучшения техники в земледелии,

продукция хлеба увеличилась. Например, урожайность повышалась на почве среднего качества следующим образом:

1800—10 г.	932 ctr
1810—20 „	838 „
1820—30 „	1.195 „
1830—40 „	1.446 „
1840—50 „	1.873 „
1850—60 „	2.054 „
1860—65 „	2.681 „
1865—70 „	1.720 „
1870—75 „	2.440 „ [1]

И дальше в двойных центнерах на 1 гектар:

Годы	Пшеница	Овес	Ячмень	Картофель
1880	8,4	12,9	11,3	13,2	71
1890	10,1	14,4	12,6	13,7	80
1900	14,4	18,7	17,2	18,0	126
1913	19,1	23,6	21,9	22,2	159 [2]

Между ростом урожайности и ростом применения машин, искусственных удобрений, введением многопольных севооборотов наблюдается параллелизм. При интенсификации земледелия расширение площади запашек, которого так боялся Рикардо, могло не вызывать удорожания хлеба, так как техника земледелия развивалась значительно быстрее, чем потребность в хлебе.

Если бы Рикардо говорил только об относительном удорожании хлеба, в сравнении с изделиями промышленности, тогда бы он был прав. В общем ходе развития земледелие, в силу целого ряда причин, отстает от промышленности. Если в мануфактурный период цены продуктов сельского хозяйства стояли ниже в сравнении с изделиями мануфактур, то с техническим прогрессом установилась обратная пропорция. Промышленные изделия дешевеют значительно быстрее, чем сельско-хозяйственные продукты.

С ростом культуры неизбежно растет и рента, но это происходит не от причин, указанных Рикардо, а от того, что прибавочная стоимость или доля неоплаченного труда увеличивается. Достигается в земледелии этот факт развитием производительности труда, которая позволяет расти ренте при неизменных ценах и даже при понижающихся. Рента возвышается

[1] Зомбарт, II. стр. 105.
[2] Krebs, 17.

при падении цен на хлеб в случае, если производительность труда растет быстрее падения цен, или производительность труда плюс расширение площади запашек. С каждым годом доходность земли повышается от вложения капитала, и землевладелец пожинает буквально то, что не сеял. Он собирает плоды общественного богатства. Возражения Брентано и Сисмонди, что землевладелец двигает прогресс земледелия в корне опровергнуто уже Рикардо, когда он заявил, что «землевладелец не имеет никакой возможности применить свою энергию, бережливость и искусство к земле, если не ведет на ней хозяйство сам, а в последнем случае он делает улучшения в качестве капиталиста-фермера, а не в качестве землевладельца» [1]).

Рост земельной ренты продолжался до 60—70 гг прошлого столетия, пока не разразился над Европой аграрный кризис. Как на причину кризиса, Энгельс, Парвус и Мейер указывали на слишком разросшиеся ренты. Роджерс, выясняя причины аграрного кризиса Англии, писал: «в 1873 году положение сельского хозяйства было плохо из-за четырех причин: 1) это недостаток капитала, 2) слишком высокая рента, 3) необеспеченное положение арендаторов, 4) недостаточная рабочая сила» [2]).

Две первые причины из 4 нужно считать главными. Если бы было можно влить достаточно капитала в земледелие, то в нем могла бы быть проведена такая система хозяйства, которая обеспечила бы высокую доходность хозяйства. Этого сделать нельзя и хозяйство ведется полурациональным способом.

Затем рента выросла настолько над обычно капиталистическими издержками производства, что давила на цену хлеба довольно значительным балластом [3]). Когда в конкуренцию с Европой вступила Америка, не знавшая абсолютной ренты,

[1]) Рикардо, стр. 118.
[2]) Роджерс, стр. 429.
[3]) Fr. Cristoph im „Landwirtschaft und Industrie", стр. 32, приводит распределение дохода от сельск. хоз. Пруссии по различным категориям:

Земельная рента	898	милл. мар.	— 12%
Тяговая сила	1.079	„ „	— 14,4 %
Заработная плата	3.666	„ „	— 49,1 %
Семена искусств. удобр. (корм скоту)	975	„ „	— 13,1 %
Инвентарь	775	„ „	— 8,7 %
Налоги	200	„ „	— 2,7%.

Смотри также Boyle.—«Agricultural Economies». 1921, 259—261.

имевшая лишь незначительную дифференциальную, то она должна была снизить земельную ренту европейских землевладельцев.

Энгельс с удовлетворением отмечал, что к 90-м годам многие землевладельцы потерпели сильное разорение в то время, как хлебные цены продолжали катиться вниз. Диль приводит для Англии данные одного отчета 1893 года, в котором говорится, что «капитальная стоимость всей сельскохозяйственной площади Великобритании только с 1875 до 1894 года уменьшилась более, чем на 834 миллиона фунтов стерлингов, т.-е. почти на 50%» [1]). Мы не входим в обсуждение, правильна ли сама цифра, но для нас важно отметить понижение стоимости земли почти на 50%. Так как стоимость земли есть не больше, как капитализированная земельная рента—доход землевладельца от его участка, то понижение ее на 50% показывает, что снижение доходности вызвало понижение стоимости земли.

1890-е годы можно считать началом изживания аграрного кризиса, так как цены стали снова ползти вверх [2]), что не осталось бесследным для земельной ренты, хотя во время кризиса рента не везде падала. Наблюдались хозяйства в Германии, даже отдельные области хозяйств, которые подняли свою доходность путем усиленной интенсификации. Кризисы обычно усиливают c за счет v. Период аграрного кризиса также сопровождался усиленным потреблением сельскохозяйственного инвентаря, удобрения и т. д. Результаты коллективных усилий общества пожинает землевладелец. Такое привилегированное положение землевладельцев заставило Оппенгеймера написать следующие строки: «Крупная земельная собственность является корнем всех социальных бед... Что господствует над Европой, что причиняет ей неустройство через свою классовую монополию государственного управления, что стоит, покрытое гербами, как сторож, на каждой дороге, которая могла бы вести к благополучию?... она не может терпеть никакого прогресса, так как каждый шаг вперед есть гвоздь в ее гроб» [3]).

[1]) Диль.—«Комментарии», стр. 322.
[2]) «Труды комиссии по изучению современной дороговизны», т. I, 1915 г, стр. 32.
[3]) Oppenheimer.—«Theorie des reinen und politisch. Oek.» 700.

Социально-политические выводы.

Период деятельности Рикардо совпал с периодом наиболее сильного развития производительных сил Англии. Развитие производительных сил захватило как промышленность, транспорт, так и сельское хозяйство. В центре этого развития стояла пуританская фигура капиталиста, который считался и фактически был носителем этого прогресса. Процесс воспроизводства описывал тогда особенно сильно расширяющуюся спираль. Рост производительных сил давал занятие все большему числу рабочих рук, в распределении все увеличивающегося валового дохода принимали участие все большие слои населения. В результате Рикардо говорит о том, что «прибыль, получаемая денежным капиталистом, составляет прибыль для всей нации и, как всякая другая прибыль, увеличивает реальные богатства и имущества страны»[1]), так как «накопление приведет к увеличению спроса на труд, повышению заработной платы»[2]). Поэтому Рикардо объединяет интересы капиталистов и рабочих против интересов землевладельцев.

Механизм социальных отношений в капиталистическом обществе представлен Рикардо в таком виде, что корень всех зол лежит в землевладении.

Во-первых, землевладелец не участвовал в процессе производства, а во-вторых, все же получал громадную долю из фонда общественного дохода. Одновременно землевладелец продолжал окружать себя ореолом благородства и социальной значимости, а политически землевладельцы держали государственную власть в своих руках. Это составляло

1) Рикардо — „Начала", стр. 293.
2) Там же, стр. 43.

основу противоречий между землевладельцем и капиталистом [1]).

Рикардо полагал, что землевладелец поставлен в особенное положение, силою развития общества ему будет передаваться все возрастающая доля дохода общества. Так как рост населения обгоняет рост производительности труда в земледелии, вследствие чего переход к худшим участкам увеличится, рост цен на хлеб будет неизбежен. При этом издержки производства на лучших участках могут остаться неизменными. Если имеется пять участков следующих градаций:

1 в	100	пуд.	при	цене	в	100	к.	за	пуд	дает	100 руб. дох.
2 в	70	„	„	„	в	100	к.	„	„	„	70 „ „
3 в	60	„	„	„	в	100	к.	„	„	„	60 „ „
4 в	50	„	„	„	в	100	к.	„	„	„	50 „ „
5 в	40	„	„	„	в	100	к.	„	„	„	40 „ „

Считая, что последний участок своими издержками определяет стоимость хлеба, получаем на лучших участках ряд земельных рент на 4—10, на 3—20, на 2—30, на 1—60 р. Но если общество вынуждено перейти к участку, дающему только 20 пуд., тогда, чтобы оплатить издержки производства на нем, равные издержкам производства 5 участка, нужно за пуд платить не 100 коп., а 2 рубля. Рента всех участков, сравнительно с 6, колоссально возрастает. Это возрастание бьет по капиталистической прибыли, а следовательно и по рабочему классу. «Все классы общества, за исключением землевладельцев, одинаково проиграли бы от повышения цены хлеба» [2]). Ибо это повышение не является прибавлением к национальному доходу, а является лишь перераспределением уже созданного: «рента,—говорит Буханан, одобряемый

1) Маркс. — «Теории прибавочной стоимости» II, I, стр. 149; см. также 210 — 211. «Капиталист и рабочий единственные деятели и факторы производства... Капиталист есть непосредственный эксплоататор рабочих, непосредственный не только присвоитель, но и виновник прибавочного труда. Но т. к. это может произойти для промышленного капиталиста только при посредстве процесса производства и в процессе производства, то он сам является агентом этого производства, его руководителем. Лэндлорд, напротив, обладает земельною собственностью (абсолютная рента) и в естественной разнице сортов почвы (дифференциальная рента) привилегией, дающей ему возможность класть себе в карман часть того прибавочного труда или прибавочной стоимости, для руководительства которым и для создания которых он ничего не вносит. В случае коллизии капиталист рассматривает его, поэтому, как простой нарост, как паразита, как чужеядную язву капиталистического производства, как насекомое, которое сидит у него в шубе».
2) Рикардо, — стр. 226.

Рикардо,—не может представлять прибавку к капиталу всего общества, так как чистый прибавочный продукт, о котором в данном случае идет речь, есть не что иное, как доход, перенесенный от одного класса к другому. А из одного такого перемещения из рук в руки не может возникнуть новый источник, из которого могли бы уплачиваться налоги»[1]). Земледелец, не стукнув пальцем о палец, получает все увеличивающуюся долю общественного дохода. Земельная рента имеет тенденцию захватить всю прибыль. «Прибыль имеет естественную тенденцию падать, потому что, с прогрессом общества и богатства, требующееся добавочное количество пищи получается только при затрате все большего и большего труда»[2]).

Интерес землевладельцев требует повышения цены на хлеб, остальные слои общества обратного, «поэтому интересы землевладельцев всегда противоположны интересам потребителя и фабрикантов»[3]).

Что мог предложить капиталист против засилья землевладельцев? Можно было ждать полной национализации, но для капиталиста это было потрясением основ буржуазного общества, на что он, конечно, не мог решиться; надо было выбрать что-нибудь более скромное.

Разбирая влияние налогов на различные стороны народного хозяйства, Рикардо здесь нашел выход. Признавая только дифференциальную ренту, он вполне последовательно считал, что «налог на ренту оказывает влияние только на ренту; он всецело падает на землевладельцев и не может быть переложен на какой-нибудь класс потребителей»[4]). За это средство уничтожить вредное действие ренты на капиталистическое производство ухватился Рикардо, а после него популяризировал ту же идею Генри Джордж. Такая ублюдочная мера борьбы с землевладением не шла в ногу с теоретически установлен-

1) Рикардо, стр. 274. См. там же, стр. 275. «Поэтому, рента создает стоимость, но не создает богатства, она ничего не прибавляет к рессурсам страны; она не увеличивает способность последней содержать армию и флот. Страна имела бы в своем распоряжении более значительный фонд, если бы земля была более плодородна и если бы она могла употребить на землю такой же капитал, не производя ренты». И стр. 273. «Одна из этих ошибок (Мальтуса) заключается в предположении, что рента является чистым выигрышем и вновь созданным богатством».

2) Там же, стр. 71.

3) Там же, стр. 226.

4) Там же, стр. 108.

ным положением о противоречии интересов землевладельцев интересам всего общества[1]).

Насколько смел был Рикардо в теоретических построениях,— он установил паразитизм, антиобщественность землевладельцев,— настолько же он был робок в предложении практических мероприятий против земельной ренты. И когда его обвиняли в построениях против земельных собственников, то он с удивлением отрицал всякие указания в этом роде.

Что касается других классов — буржуазии и рабочих, то оба они были в равной степени заинтересованы в низкой цене хлеба, а следовательно и в низкой ренте. Высокая цена хлеба повышала номинально заработную плату, но рост цен обгонял рост заработной платы. Капиталисты из-за повышения заработной платы получали уменьшенную прибыль. При дешевизне, — говорит Рикардо, — «в первую очередь всеми выгодами пользовались бы рабочие, капиталисты и предприниматели, но с ростом населения эти выгоды постепенно перешли бы в руки землевладельцев»[2]). Здесь устами Рикардо говорит ревнивая буржуазия, опасавшаяся за свои доходы. Буржуазия была настолько подозрительна, что ей казалось, что землевладельцы со временем все отберут в свою пользу в виде ренты. Вместе с тем, они не могли предложить решительных мер против своего противника. Рикардо не нашел выхода из противоречий между капиталистом и землевладельцем. Ему казалось, что над капиталистическим способом производства занесен меч, что производству грозит разложение и не было реальных мер для устранения этой опасности. Отсюда пессимизм Рикардо. История показала, что капитализм от опасности, указанной Рикардо, не погиб, что между землевладельцем и капиталистом установилось трогательное единение, и если капитализму и грозит опасность, то совершенно с другой стороны, которой Рикардо не заметил.

1) Рикардо, стр. 181: «Они не понимают, что цель торговли заключается в увеличении производства, что, увеличивая производство, вы увеличиваете общее благосостояние, хотя бы при этом можете причинить потери отдельным лицам. Если бы они были последовательными, они должны были бы попытаться остановить всякий прогресс в земледелии и обрабатывающей промышленности и всякие усовершенствования в машинах. Ведь всякое новое изобретение, хотя оно способствует развитию общего благополучия, а, следовательно, и общего счастья, в момент своего применения всегда уменьшает или уничтожает стоимость части наличного капитала фермеров и фабрикантов».

2) Там же, ,— стр. 225.

Заключение.

(Рикардо и Маркс).

В тексте неоднократно отмечались различия в воззрениях Рикардо и Маркса. Рикардо имеет среди остальных предшественников Маркса то преимущество, что он теорию ренты построил на основе трудовой теории стоимости. Рикардо укрепил себя с этой стороны, и не впал в вульгарный тон своих последователей. Теорией стоимости и земельной ренты он особенно был близок к Марксу. Последний, начиная анализ дифференциальной ренты, признал, что «Рикардо вполне прав, высказывая следующие положения: «рента (т.-е. дифференциальная рента,—он предполагает, что вообще не существует какой-либо иной ренты, кроме дифференциальной,)—всегда представляет разность между продуктом, полученным в результате равновеликих затрат капитала и труда»[1]). На следующей странице Маркс опять подтверждает правильность теории земельной ренты Рикардо: «Далее Рикардо, высказывая следующее положение, прав, поскольку оно ограничивается дифференциальной рентой: «Все, что уменьшает разницу в продукте, полученном с той же или новой земли, имеет тенденцию уменьшить ренту; а все, что увеличивает эту разницу, необходимо производит противоположное действие и имеет тенденцию ее увеличить»[2]).

---

1) Маркс.—«Капитал», т. III, II, стр. 185.
2) Там же, стр. 186.

Установив преемственность своей теории земельной ренты от Рикардо, Маркс не останавливается на этой грани. В дальнейшем он говорит: «после этих предварительных замечаний я хочу в кратких чертах выяснить особенность моего исследования сравнительно с исследованием других»[1]).

Последнее замечание может дать повод к предположениям о незначительности различий между Марксом и Рикардо. На самом же деле марксова теория земельной ренты имеет совершенно другой вид, нежели рента Рикардо.

Маркс отрицает рикардовскую схему развития народного хозяйства, по которой обязателен переход к худшим землям. «Вместе с тем отпадает,—говорит Маркс,—та первая ложная предпосылка дифференциальной ренты, которая остается еще господствующей у Уэста, Мальтуса, Рикардо и заключается в том, что дифференциальная рента непременно предполагает переход к землям все худшего качества или постоянно убывающее плодородие земли. Как мы видели, она может образоваться при переходе к землям все лучшего и лучшего качества; она может образоваться в том случае, если лучшая земля займет низшее место сравнительно с прежней худшей землей. Она может образоваться в связи с возрастающим прогрессом земледелия. Условием возникновения являются лишь неодинаковость сортов земли»[2]). Исходя из своей схемы народного хозяйства, Рикардо «этот случай превращает в единственный, нормальный случай, к которому он сводит все образование дифференциальной ренты»[3]). Чтобы показать наглядно все многообразие тенденций, перекрещивающихся линий при образовании ренты, Маркс подробнейшим образом анализирует каждое отдельное возможное проявление. В пояснение у него следует ряд таблиц, одну из которых, как наиболее полную, мы и приводим здесь[4]).

---

1) Маркс.—«Капитал», т. III, II, стр. 186.
2) Там же, стр. 195—196.
3) Там же, стр. 216.
4) K. Marx.— Theorien... III, II, стр. 41.

Разряды	Капиталы ф. ст.	Число тонн	Общая рыночн. стоим. в ф. ст.	Рын. стоим. за тон. ф. ст.	Индив. стоим. за тон. ф. ст.	Диф. стоим. за тон. ф. ст.	Цена произв. за тон. ф. ст.	Абсол. рента ф. ст.	Диф. рента ф. ст	Абс. рента в тон.	Диф. рента в тон.	Доходность в ф. ст.	Доходность в тоннах
А. I	100	60	120	2	2	0	15/6	10	0	5	0	10	5
II	100	65	130	2	1 11/13	2/13	1 9/13	10	10	5	5	20	10
III	100	75	150	2	1 3/5	2/5	1 7/15	10	30	5	15	40	20
Итого	300	200	400					30	40	15	20	70	35
Б. II	50	32 1/2	60	1 11/13	1 11/13	0	1 9/13	5	0	217/24	0	5	217/24
III	100	75	138 6/13	1 11/13	1 3/5	16/65	1 7/15	10	18 6/13	5 5/12	10	28 6/13	155/12
IV	100	92 1/2	170 10/13	1 11/13	1 11/37	264/489	1 7/37	10	50 10/13	5 5/12	27 1/2	60 10/13	32 11/12
Итого	250	200	369 3/13					25	69 3/13	13 13/24	37 1/2	94 3/13	51 1/24
В. I	100	60	110 10/13	1 11/13	2	2/13	1 5/6	10/13	0	5/12	0	10/13	5/12
II	100	65	120	1 11/13	1 11/13	0	1 9/13	10	0	5 5/12	0	10	5 5/12
III	100	75	138 6/13	1 11/13	1 3/5	16/65	1 7/15	10	18 6/13	5 5/12	10	28 6/13	155/12
IV	100	92 1/2	170 10/13	1 11/13	1 11/37	264/461	1 7/37	10	50 10/13	5 5/12	27 1/2	60 10/13	32 11/12
Итого	400	292 1/2	540					30 10/13	69 3/13	16 2/3	37 1/2	100	54 1/6
Г. I	100	60	110	1 5/6	2	1/6	1 5/6	0	0	0	0	0	0
II	100	65	119 1/6	1 5/6	1 11/18	1/78	1 9/13	91/6	0	5	0	9 1/2	5
III	100	75	137 1/2	1 5/6	1 3,5	7/30	1 7/15	10	17 1/2	5 5/11	9 6/11	27 1/6	16
IV	100	92 1/2	169 7/12	1 5/6	1 11/37	113/222	1 7/37	10	49 7/12	5 5/11	27 1/2	59 7/12	32 1/2
Итого	400	292 1/2	536 1/4					29 1/6	67 1/12	15 10/10	36 13/22	96 1/4	52 1/2
Д. II	100	65	113 3/4	1 3/4	1 11/13	5/52	1 9/13	3 3/4	0	2 1/7	0	3 3/4	2 2/7
III	100	75	131 1/4	1 3/4	1 3/5	1/20	1 7/15	10	11 1/4	5 5/7	6 3/7	21 1/4	12 2/7
IV	100	92 1/2	161 7/8	1 3/4	1 11/37	67/148	1 7/37	10	41 7/8	5 5/7	23 13/14	51 1/8	29 3/14
Итого	300	232 1/2	406 7/8					23 3/4	53 1/8	13 7/7	30 5/44	76 7/8	43 13/14

При чем таблица Е представляет собою рикардовскую дифференциальную ренту, когда наихудший первый участок не дает никакой ренты.

Рикардо совсем не знал абсолютной ренты.

Маркс держался совершенно обратного взгляда на закон убывающего плодородия. Он считал возможным в сельскохозяйственной практике такой случай, когда дальнейшая затрата капитала могла дать уменьшенный доход, но он допускал это, как совершенно случайную особенность, которая ни в малейшей степени не имеет характера «закона»[1]). Соображение относительно своеобразия развития земледелия, его органических процессов Маркс отметает самым решительным образом. Вся особенность земледелия заключается только в том, что «завоевание земледелия капиталистическим способом производства, превращение крестьянина из самостоятельного хозяина в наемного рабочего, является в действительности последним завоеванием этого способа производства вообще, из-за чего — различие здесь больше, чем в какой-либо другой области промышленности»[2]). В самом деле, чем, например, отличается капиталистическое скотоводство от химического завода? Организм, напр., свиньи или коровы изучен настолько, что точно известно влияние всех видов кормов на состояние коровы, на ее эффективность. Кормление скота и эффект кормления вкладывается так же точно в математические формулы, как и химические процессы в чанах и трубах завода. В земледелии пока в меньшей степени, но шаг за шагом делаются все большие успехи по пути научного уточнения всех моментов, с которыми связаны процессы производства.

Маркс, который жил в иных условиях, нежели Рикардо, не мог не отнестись критически к самому слабому

---

[1]) См. Ленин.—«Аграрный вопрос», стр. 165. «Вместо универсального закона мы получаем, следовательно, в высокой степени относительный „закон“ — настолько относительный, что ни о каком законе и даже ни о какой кардинальной особенности в земледелии не может быть и речи».

[2]) Маркс.—«Капитал», III, II, стр. 186.

месту в теории земельной ренты — к закону убывающего плодородия.

Здесь не возможно изложить тот богатейший комплекс идей, который составляет теорию земельной ренты Маркса. У него мы имеем многогранную теорию земельной ренты, которая связана крепкой нитью с пестрой контрастирующей капиталистической действительностью.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Указатель литературы.

Давид Рикардо.—«Начала политической экономии и податного обложения». Издание «Звено», 1910 г.
Давид Рикардо—Сочинения, перев. Зибера. 1882 г.
К. Диль.—«Комментарии к Основным Началам Д. Рикардо», 1912 г.
K. Diehl.—«Sozialwissenschaftliche Erläuterungen». 1921 г.
„ «Die Grundrententheorie» im Jahrbuch für Nat. und Stat. III T. Bd. 17
„ «Theoretische National Öekonomie», 1916. Fischer. Iena.
К. Маркс.—«Капитал» I, III томы 1920 г. и 1907 г. перев. Базарова-Степанова.
К. Маркс—«Нищета философии». 1905 г., пер. Алексеева.
„ —«Теории прибавочной стоимости», I и II, 1922—23 гг. Изд. Кузнецова.
К. Маркс.—«Письма». Изд. «Московский Рабочий». 1923 г.
K Marks.—«Theorien über den Mehrwert». 1921. Dietz
Фр. Энгельс.—«Анти-Дюринг». 1922 г. «Моск. Рабочий».
К. Маркс и Фр. Энгельс.—«Литератур. наследство». «Мир.» Москва. 1907 г.
„ „ —«Коммунистическ. манифест» изд., «Моск. Раб.». 1922 г. перевод Рязанова.
Berens.—«Versuch einer kritischen Dogmengeschichte Grundrente». Leipzig, 1868.
James Anderson—«Drei Schriften über Korngesetze und Grundrente». 1893.
Lexis.—«Allgemeine Volkswirtschaftslehre». Berlin. 1910.
K. Diehl und Monibert. «Ausgewälte Lesestüke» Bd 3 1911.
Конштедт. «Аграрный вопрос в Германии и с.-д.». 1907 г.
Oppenheimer.—«Rodbertus Angriff auf Ricardos Renten Theorie». 1908.
„ —«Theorie der reinen und politischen Öekonomie». 1910.
Hasbach.—«Diehlsche Erläuterungen». Jahrb. für Gesetz g. Werw. uud Volksw. im D. K. 30 Iehzg II Heft.
Parvus.—«Der Weltmarkt und Agrarkrisis».
Meyer—«Das Sinken der Grundrente». 1894.
Boyle.—«Agricultural Oeconomies». 1921.
Плеханов.—«Чернышевский», 1910 г. «Шиповник».
Вл. Ильин (Ленин).—«Аграрный вопрос», Часть I. Петербург, 1908 г.
Ленин.—«Сочинения», IX. 1923 г.
Зелигман.—«Основы политической экономии». 1908 г.
Кэри. «Руководство к социальной науке». 1869 г.
Платтер.—«Основные учения политической экономии», II т. 1909 г.
Н. Зибер.—«Теория ценности и капитал Д. Рикардо», 1871 г. Киев
Исаев.—«Начала политической экономии». 1907 г
Джон-Стюарт Милль—«Основания политической экономии». I изд, 1865г.
Д. С. Милль.—Соч. перевод с примечаниями Чернышевского. 1909 г.
Давид.—«Социализм и сельское хозяйство», 1908 г. 2 изд.
David.—«Sozialismus und Landwirtschaft. Meyer. Leipzig», 1922.
Генри Джорж.—«Прогресс и бедность». Петербург. 1896 г.
Симон де-Сисмонди.—«Новые начала политической экономии». 1897 г.
Родбертус—«К освещению социального вопроса. Социальные письма к фон-Кирхману». II и III, перевод Соболева 1904 г. СПБ.

Каутский.—«Аграрный вопрос».
Каутский.—«Социализация сельского хозяйства». 1922 г.
Ульянов (Ленин).—«Развитие капитализма в России», 1923 г. «Моск. Раб.».
„ „ —«Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», 1918 г.
Крживицкий.—«Аграрный вопрос», 1906 г. «Знание».
Маслов.—«Аграрный вопрос в России». I, изд. 5-е, 1917 г.
Письма Лассаля к К. Марксу и Фр. Энгельсу, 1907 г.
Thünen.—«Der Isolierte Staat», II, auf Iena 1921.
T. Christoph.—«Landwirtschaft und Industrie», 1918. Hannover.
Янжул.—«Английская свободная торговля», 1876г. Выпуск I.
Соболев.—«Очерки из истории всемирной торговли». 1899 г.
А. Гельд.—«Развитие крупной промышленности в Англии», 1899 г.
Жуковский.—«История политической литературы XIX стол.». т. I, 1871 г.
Афанасьев.—«Условия хлебной торговли во Франции в XVIII веке». 1892 г.
Георгиевский.—«Международная хлебная торговля». I вып:, 1885 г.
Лавис и Рамбо.—«История XIX в.», II т.
Адольф Бэр.—«История всемирной торговли». Часть, II, 1876 г.
Роджерс.—«История труда и заработной платы в Англии с XIII в по XIX в.». 1899 г.
Tooke und Newmarch.—«Die Geschichte und Bestimmung der Preise während der Jahre 1793—1857», 1858.
Дэн. «Очерки по экономической географии». I, 1908 г.
«Труд комиссии по изучению современной дороговизны» I. 1915 г.
Миклашевский.—«История политической экономии», 1909 г.
Чупров.—«История политической экономии», 1918 г.
Энциклопедический словарь.—Изд. Граната. 8 том.
Ш. Жид.—«История экономических учений», 1918 г.
Туган-Барановский.—«Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», 7 изд. Харьков, 1918 г
А. Зотов.—«Очерки землевладения и земледелия в соврем. Англии», 1909 г. СПБ.
С. Булгаков.—«Капитализм и земледелие», I. 1900 г. Петербург.
Ар. Тойнби.—«Промышленный переворот в Англии в XVIII ст.», Москва, 1898 г.
Книга для чтений по истории нового времени. Т. IV, часть I.
Шульце-Геверниц.—«Крупное производство» 1897 г.
Кауфман.—«Неразменные банкноты в Англии 1797—1819 г.» 2 изд. 1915 г.
Зомбарт.—«Современный капитализм», пер. Курчинского. 1905 г.
W. Krebs.—«Die Landwirtschaft in der modernen Wirtschaft», 1922. Berlin.
Aereboe.—«Die Erschliessung des Erdballs». 1920. Parey Berlin.
Тулайков.—«Опытные учреждения», 1922 г.
Белянчиков.—«Тракторы», 1922 г.
Фуис.—«Исследование теории поземельной ренты», 1871 г.
Вощинин.—«Изложение и критический разбор важнейших экономическ. теор. ренты», 1882 г.
Промышленность и техника, VI том, 1903 г.
Корбин.—«Успехи совр. техники», 1914 г.
«Научные известия». Сборник IV, 1922 г.
К. А. Тимирязев.—«Столетние итоги физиологии растений», 1918 г.
„ —«Главнейшие успехи ботаники в начале XX столетия», 1921 г.
К. А. Тимирязев.—«Земледелие и физиология растений», 1920 г.
Гарвуд.—«Обновленная земля», 1919 г.
Лященко.—«Очерки аграрной эволюции России», 1923 г.
Суханов.—«Земельная рента», 1922 г.
„ —«Очерки по экономии сельского-хозяйства». Книги 1924 г.
«Землевладение и сел.-хоз.», изд. Водовозовой, 1901 г.

Цена 50 коп.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ростов-Дон, улица Фридриха Энгельса № 90 ▫ Краснодар, Красная ул. № 29/30 ▫ Москва, Арбат № 40, кв. 6 ▫ Ленинград, Моховая № 32, кв. 4 ▫ Харьков, Екатеринославская № 32.